

Алескендер Рамазанов

Дивизия цвета хаки

«ЭКСМО»

2007

Рамазанов А.

Дивизия цвета хаки / А. Рамазанов — «Эксмо», 2007

С тонким юмором и горькими слезами Алескендер Рамазанов вскрывает великую пропагандистскую ложь об Афганской войне, все те заплесневелые идеологические догмы, которыми пичкали наш народ. Суть смерти, выписанная непредвзятым автором, до банальности проста, а вот жизнь необыкновенно многогранна, в ней играют роли люди сильные и слабые, трусы и храбрецы, паникеры и флегматы, глупые и понимающие. Чтение этой книги напоминает старую игру с переводными картинками: аккуратно снимаешь слой за слоем, под которыми проступает яркая и четкая картина той недавней, но почти забытой войны.

© Рамазанов А., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

«Мама, нас отправляют в Афган...»	6
Вступили...	8
Много ли для счастья надо...	10
Были сборы недолги	12
Предбанник	13
Свободный полет	15
«За честь Родины»	18
Офицер-любитель	22
О местности, о нравах	24
Кундуз-Южный	26
Военная мысль	29
В деревнях тех дома из глины...	30
«Спиртовой поход»	33
Земляк Стас	35
На 200 голов крс	36
Бапо: действующие лица	39
Винт и крыло	44
Одилджон	46
«Акции» великого облома	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дивизия цвета хаки

Алескендер Рамазанов

Перед Новым годом позвонил брат:

– Тебе эти... кишки... нужны? Мы тут генеральную уборку затеяли. Куда их сложить?

– Какие кишки? С утра небось причащаетесь?

– Пленки твои, афганские...

А, вот оно что! В старом серванте скрючилась сотня фотопленок, отснятых в Афганистане двадцать три года назад.

– Мы их в мешок и в кладовку. Там сухо. Пойдет?

– Только сначала в пластиковые пакеты, хорошо? И плотней завяжи.

– Что, протухнут?

– Нет, мухи эмульсию жрут.

– Ха-ха! Говорю же, кишки...

Прав младшой, на тех пленках – требуха, внутренности афганской эпопеи. Моей. Про чужое грех говорить.

Почти все было снято стареньким «ФЭДом». Ломались «Зениты» и «Соколы», утащили «Зоркий», а «ФЭД» был верен, как автомат Калашникова.

Шероховатый металл корпуса, сухой щелчок затвора. Погнутое кольцо объектива и ушибленный до синевы бок – так мы оба отметили кульбит с брони под Ханабадом, где чертов водила вогнал бронетранспортер в сухой арык. От удара оземь лопнул кожаный ремешок футляра, но «ФЭД» – работал, как и раньше. На земле и в воздухе. И вот что странно: в памяти о тех днях крепче иного осталось, что было увидено через мутновато-желтый видоискатель.

А слова? И слова, как будто встроен был в «ФЭД» хороший диктофон. Есть такие чудесные вещи. Мне они попадались нередко.

К весне, приехав повидать родню, я разобрал пленки и, не печатать же такую прорву, просмотрел через детский диапроектор негативы... Так даже лучше...

Занятие было, в общем-то, скучное. Я подбадривал себя коньяком и крепким чаем. Если нет истины в попытке «остановить мгновение» в черно-белом изображении, то сколько ее в иных «препаратах»?

«Мама, нас отправляют в Афган...»

Декабрь 1979-го. Украина. Белая Церковь. Танковая дивизия, куда я определен на должность корреспондента дивизионной газеты, разворачивается до полного штата.

Переговорный пункт у штаба дивизии забит солдатами первого месяца службы. Лихорадочно набирают номера и, пытаясь скрыть волнение, говорят о том, что временно будут откомандированы в другие части. Но через одного слышу, пусть негромко, но отчетливо: «Мама, нас отправляют в Афган...» Позже особысты, насколько смогли, перекрыли этот «канал утечки информации».

Группа молодых солдат в новеньких, до пят, шинелях, необмятых шапках. Эти шинели, шапки, ремни и комплекты парадного обмундирования не успеют отнять «деды-дембеля». Они лягут в афганских каптерках, будут проданы прапорщиками аборигенам, которым очень нравились наши шапки и шинели. А свои будут ходить в грязных ватных куртках и черных танковых комбинезонах. И шинель станет опознавательным знаком новичка либо очередного проверяющего. В советской солдатской, а тем более в офицерской шинели покроя семидесятых годов служить в мирное время еще можно было, но воевать – упаси бог! Упакованный в нее человек превращался в статую.

Впрочем, «парадка» (парадно-выходное обмундирование) нашла себе практическое применение. В «пластмассовые» лавсановые кителя и параллельные (так по-военному назывались обычные брюки в отличие от галифе) облачали покойников («груз-200») перед отправкой на родину в тройной деревянно-цинковой упаковке. Если китель не налезал на распухшее тело воина-интернационалиста, обмытого волоком под душем, то ткань со спины распарывали по шву. А если труп изображали головешки и разный обугленный мусор, то останки заворачивали в мундир.

Но что было по-человечески в дивизионных моргах – там с утра глушили спирт за упокой души и во имя притупления обоняния и прочих нежных чувств... Это был верный подход к печальному исходу.

Вечная тризна честнее вечной памяти.

Реальной.

Офицерское общежитие. Табачный дым, скипидар сапожного крема, дух горелого масла, едкая вонь затопленного сортира, в котором к загаженному унитазу приходилось ступать по ножкам от табуретов.

За тонкими дверями, залатанными фанерой, звуки военного бытия: раздраженные женские голоса, стук костяшек домино, звон бутылок, Высоцкий, Пугачева... Но счастье – иметь место в общежитии. Дивизия разворачивается. Жилья в городе не найти.

У всех на устах – Афганистан.

– А если душман к тебе с ножом?

– А я – одного автоматчика слева, другого справа, у самого – пистолет. Попробуй возьми!

Посреди комнаты покачивается гориллообразный сизолицый майор – зампотех батальона связи. Ему после Нового года в Афганистан. От него отчаянно несет застарелым перегаром.

Из Белой Церкви Афганистан еще невидим, незнаком. Майор как-то вдруг трезвеет, уходит. А через десять минут я встречаю его в коридоре, ползущего по стенке.

– Как он это ухитряется?

– Да я тоже вначале удивлялся, – смеется мой сосед лейтенант Почта. – Пойдет в буфет, бутылку пива выпьет – и закосел на старом запасе.

Почта сладко потягивается и в сотый раз ставит «Звезду и Смерть Хоакино Мурьеты». Поет Смерть...

Заместитель начальника политотдела, сопровождая очередную «команду», доехал до афганского Ташкуртана.

– Как там? Расскажите, товарищ майор?

– Война. Остановились на той стороне. Вдруг слышу, в середине колонны пальба. Оказалось, солдат решил по изоляторам пострелять. «Ты что же делаешь, товарищ солдат?» А он: «Мне, может быть, завтра в бой идти, а я из этого автомата ни разу не стрелял!» Прав? Готовьтесь. Все там будем.

– Да я уже рапорт написал. Поможете?

– Я тебе здесь Афган устрою. Кто за вас будет редакцию разворачивать?

Вступили...

Таня. Красавица. Корректор-машинистка нашей газеты «Гвардеец». Выходит три раза в неделю, форматом А3. Никто ее не читает. Но политотдел и цензор следят строго. Ни слова человеческого, ни слова правды, ни строчки об Афганистане. А там уже гибнут наши, дивизионные. Таня, сгорбившись, плачет. Мы отводим глаза. Миша Семенов, ответственный секретарь, тычет строкомером в тумбу стола. Там початая бутылка водки. Таня всхлипывает, прислонив к орфографическому словарю фотографию лейтенанта в парадной форме. Его уже привезли в деревянном коробе, внутри которого был гроб. Оцинкованное кровельное железо, забеленное окошечко. А зачем окошечко? Ну, если его замазывать краской? Вскрывать не дали. Хоронила своя воинская часть. Лейтенант, помнится, ухаживал за Татьяной...

Кадр. Мишка Семенов и Татьяна стоят на ступеньках редакции. Виден квадрат: «в/ч ... Редакция и типография газеты «Гвардеец». За спиной Мишки прапорщик Сиренко. С ним мы будем в Афгане в одно время. Но в разных местах. Я – в Кундузе, он – в Шинданде. И никогда уже не встретимся.

Вечером мы взяли бутылку кальвадоса – дешевой забористой яблочной водки местного разлива. К Мишке зашел отец. Седые короткие волосы ежиком. Армейская выправка. Полковник в отставке, фронтовик. Смоленский корень. Рассказал анекдот: «Два хлопца, украинский и еврейский, приехали в Киев. На вокзале хохол первым делом спрашивает: «А военные училища здесь е?», а еврей: «А парикмахерские?»

Рассказывал, что стоял в ночном карауле у гроба Кирова, видел, как Сталин поцеловал покойника в лоб, что-то прошептал. Караул сразу сменили.

Выпили. Кальвадос старый воин назвал грязью, послал купить бутылку перцовки.

Как-то промелькнуло слово «Катынь». «А что с ними сделали?» Это я спросил о польских офицерах. «Как что. Расстреляли. А что было делать?» – «Наши?» Полковник усмехнулся: «А как тебе, лейтенант, несколько тысяч чужих офицеров в тылу?» Рассказ его был коротким и точным. (В этом я убедился в 1987 году, купив на книжном развале в Кабуле «Ридерз дайджест» за 1953 год. Весь мир, оказывается, все знал еще с 1943 года. Кроме нас.)

Про афганские дела полковник сказал: «Вы вечно, ребята, не в партию, так в «гимно» вступите. Уже вступали туда с пулеметами... Мировую революцию делать. Еле оторвались».

«Гимно» с намеренно фрикативным «г» – это было чудесно. Такой интерпретации слова «говно» я не слышал никогда. Да и о походе в Афганистан Красной армии в двадцатых годах подробнее узнал только лет через двадцать, когда, обкайфовавшись ельцинской свободой, мирные дехкане и подабоны (земледельцы и пастухи) – таджики начали в упоении резать друг друга. Историк Виктор Дубовицкий в Душанбе рассказал мне об этой аванюре – походе на Индию через Афганистан силами чуть ли не батальона.

Полковник Семенов умер осенью 1981-го. Рак. А я, видимо, до конца своих дней буду с успехом рассказывать еще один анекдот, услышанный от него в тот вечер. «Тридцатые годы, советско-польская граница. Мерзнет в тонкой шинельке и конфедератке жолнеж на своей стороне, а по нашему рубежу задумчиво расхаживает красноармеец в меховой шапке, валенках и овчинном тулупе. Встречаясь на маршруте, пограничники перекидываются словами. «А что, пан, как по-польски будет жопа?» – спрашивает мордатый красноармеец. «Дупа», – стуча зубами, отвечает поляк через полчаса во время новой встречи. И опять тишина на рубеже... «А что, тоже красиво», – мечтательно подводит итог советский пограничник».

Красивые стройные ноги всегда заканчиваются ж..., но ее почему-то мало кто воспекает, хотя всем она втайне нравится.

И если кто-то вам говорит, что «наступила ж...», не верьте ему!

Когда совсем плохо, то говорят иначе.

Много ли для счастья надо...

Мы изобрели забаву. Поставили на попа деревянный щит, добротный, из дюймовых досок пол от палатки, и стали учиться метать ножи. Насобачились до циркового уровня. С расстояния десяти шагов попадали в избранную точку силуэта в чалме. Метали и кольца от палатки. Они были пострашней любого ножа. Вскоре щит превратился в труху. Поставили новый. И все с криками: «Получи, душман!»

Щелчок затвора. Прапорщик Сиренко сидит на корточках под щитом. Лицо вытянуто. Ответственный секретарь метнул кол, в горячке «соревнования», поверх его головы. Все обошлось.

На горизонте несколько едва различимых контуров машин. Фургоны. Дальше пленка засвечена. Засветил ее особист, по причине того, что мы с фотокорреспондентом окружающей газеты повернули объективы в сторону якобы секретного зенитно-ракетного комплекса. «Квадрат»? «Круг»? Не помню. Киевский коллега оказался хитрее. Он подсунул «особисту» пустую пленку.

Бесконечные кадры на полигоне, стрельбищах, в спортивных городках, ленинских комнатах, столовых. Зарядки, разводы, обслуживание техники. Дивизия впитывала, как губка, молодняк, а потом, подвластная приказу, едва обучив, выжимала в сторону Афганистана. Семенов, обычно вечером, когда расслаблялись кальвадосом, корил: «У тебя все снимки на одно лицо. Ты, старик, крупный план давай».

Дивизионные учения в лесах под Черниговом. Конец февраля. Полки барахтаются в рыхлом снегу. Я изменил «ФЭДу»: в самый ответственный момент, когда комдив дал приказ на сражение, достал нагретый за пазухой «Зенит», «ТТЛ». Умер он, скотина, на полпути. Заклинило шторку. Когда тут рукав доставать, перематывать. Все летит, бежит, палит... Вслед наступающей пехоте, пардон, мотострелкам, сделал несколько кадров уже «ФЭДом». Ну, не беда, есть кадры с генеральных репетиций. Отобьемся. А снимки нужно было выставить на стендах во время подведения итогов учения. Это дело серьезное.

По пояс в снегу я побрел к вышке руководства. У подножия ажурной деревянной каланчи стояли двое. Командир дивизии – полковник Третьяков и командующий армией – генерал. Смушковые папахи, полушубки. Третьяков с палочкой. У комдива долго заживала сломанная нога.

– Эй, корреспондент. Сделаешь нам снимок на память?

– Да ведь потом от вас фотографии не дождешься, – это генерал, командарм.

Щелчок затвора. Второй. Третий.

– Завтра же представлю, товарищ генерал. На подведении итогов.

– Ну-ну, – хмыкнул командарм.

И тут... я до сих пор не могу понять, что заставило меня четко и отдельно доложить:

– Товарищ генерал, я дважды подавал рапорт о желании служить в Афганистане. Квартира есть. Здоров.

Краем глаза я заметил, как сыграли желваки на скулах комдива. Но гнева особого в его глазах не увидел. Третьяков молчал.

– Прошу вас помочь. А? – как-то по-детски проблеял я.

Это «а?» у меня, видимо, с молодых лет, с Кавказа. Там добавляют это междометие, когда очень хочется чего-то.

– Ну вот, а ты говорил, что у тебя офицеры отказываются от ТуркВО, – повернулся генерал к комдиву. – Учтем твой рапорт.

Все. В редакцию. К утру нужны снимки. На «санитарке», которая срочно вывозила с поля боя майора, допившегося на подготовительном этапе учений до белой горячки, я добрался

в Белую Церковь. Майор, с багрово-синим лицом, туго спеленатый, изгибался на носилках и кричал: «Вот видишь, это они, в белых халатах стоят. Сестры! Чего им надо? За кем? За мной?» В окнах проплывали только ели, усыпанные снегом. Санитар, дюжий сержант, сказал тихонько: «Он от этих «сестер» под бронетранспортер залез. Еле вытащили...»

За ночь я успел отпечатать около пятидесяти снимков 30 – 40, отглянцевать и, наскоро побрившись, рванул в солдатский клуб при штабе дивизии. Политотдельские вырвали у меня из рук снимки и стали спешно прикреплять на стенды. Я тоже пытался им помочь. Внезапно кто-то крепко взял меня сзади за плечо.

– Ты, значит, сам все решил? В Афган захотелось. А здесь кто будет пахать? Я же тебя редактором хотел назначить. Ты чего поперед батьки лезешь? – это был заместитель начальника политотдела майор Дмитриенко.

А тут еще выросла массивная фигура Корнейчука – начальника политотдела. Выслушав мой лепет о том, что рапорта подавались и ранее, только махнул рукой:

– За снимки спасибо. Успел. А рапорт... ну что же, там нужны офицеры.

А Дмитриенко, и вот этого я не забуду никогда, вдруг нащупал мою руку, сжал и тихо сказал: «Молодец...» Как мало нужно человеку, чтобы почувствовать себя таковым!

Были сборы недолги

Что невидимое отгораживает от старой, привычной жизни человека смертельно больного, готовящегося к дальней дороге, уходящего? Есть эта прозрачная преграда. Та же работа, те же хлопоты, а все по-иному. И самое лучшее – не тянуть.

Снимки. Шестилетний сын у бронзовой Дианы, у трактора «Фордзон» на фоне белой, безжизненной церкви. Окна заколочены ржавым кровельным листом. «Мерзость запустения...»

Снимки. Граненые стаканы, шампуры, бутылки. Проводы на снегу в «запасном районе» под Белой Церковью. Дмитриенко, подняв очередной стакан: «Мы тебя будем ждать. И место тебе я приготовлю, обещаю вот здесь, перед всеми». При этом он посмотрел на редактора, Колю Тараненко. Да ладно! Спасибо, товарищ майор. Вернусь – разберетесь!

На морозе пьется хорошо. Третий тост тогда еще не объявляли...

Домой, на второй этаж, дополз сам. А потом всю ночь видел красно-оранжевые, диковинные цветы. На следующий день понял, в чем дело. Лежал на животе, носом уткнувшись в покрывало на диване.

Предбанник

Помните, были такие мягкие плетеные советские чемоданы? Пластмассовые. Ремни у них рвались, как бумага. Вот такой баул я набил в Афганистан. Было предписано взять: шинель, куртку и штаны ватные, повседневную и полевую форму, а также парадную в полном сборе с тканым ремнем. Ну, последнее – уж фиг! Да и бушлат я не взял. А «повседневку» – пришлось. Нужно будет представляться. Не в полевой же форме щелкать каблуками и вещать звонко-деревянно о «прибытии в распоряжение»!

Из всего, что я взял с собой, самым полезным впоследствии оказался фонарик, фотоаппарат и фото пленки.

Киев, политуправление военного округа, аэропорт – все слилось и успешно стерлось в памяти. С политуправой Киевского военного округа у меня сложились особые отношения. Не место о них здесь рассказывать, но стоит упомянуть, что на редкость сучья была организация, как в начале восьмидесятых, так и в конце, перед развалом СССР.

В Ташкенте, преддверии Афгана, нас разместили в гостинице штаба Туркестанского военного округа. Это была хорошая, не только по военным меркам, гостиница. Еще через день ожидания привели в политуправление округа и усадили в пустом классе. Кафедра, классные столы, на стене лишь одно украшение – рельефная карта Афганистана. Мы столпились возле этой, редкой по тем временам, карты и оживленно прикидывали, где будет лучше. Все почему-то хотели поближе к Пакистану. В Кандагар, Джелалабад...

Пришел кадровик, огласил места назначения. Мне выпал Кундуз, 201-я мотострелковая дивизия. Ответственный секретарь дивизионной газеты. «Там корреспондент молодой. Тоже с Украины. А редактор готовится в академию», – многозначительно посмотрел на меня кадровый майор. Понял. Только не за должностью еду. И так повысили. Ведь был-то корреспондентом, а теперь ответсек!

Кадровик ушел. Его место занял худой черный армянин в подполковничьих погонах, но совсем не военного вида. Он пожурил нас за гвалт и прочитал короткую лекцию об Афганистане, обычаях и традициях афганцев. Потом пришел медик, застрасал по поводу сырой воды и местных продуктов. В перерыве, пока готовились наши заграничные паспорта, мы вновь толпились у карты. Здесь я и нажал на затвор «ФЭДа». Никого из тех, кто запечатлен был на этом снимке в конце марта 1981 года, я больше не видел. Ни в Афгане, ни после. Впрочем, это были политработники. Свою братию конечно бы встретил. Хотя правды ради надо сказать, что у журналистов ВУС (военно-учетная специальность) проходила по кадрам политработников. Да мы и были ими, в конце концов. На мой «ФЭД» недовольно зыркнул небольшого роста плотный капитан. По годам вроде ровесник, на шитом кителе полковничьего сукна диковинный знак – комсомольский значок с профилем Ильича в окружении толстого серебристого венка из дубовых листьев, и все это медальное великолепие на фоне пятиконечной звезды. Глаза у капитана были замечательные – острые, спрятанные в припухших бровях. Татарские, точнее, татаро-монгольские глаза. Волчьи глаза.

– Рамазанов кто?

– Я.

Капитан отвел меня в угол класса и рассказал в общих чертах, где мне придется служить, с кем, спросил об опыте работы. Имел право – несмотря на скромное звание, он был старшим инструктором по печати политуправления округа. В Киеве на этой должности сидел вальяжный, не подступиться, полковник.

– Я буду у вас в редакции через неделю. Входи в суть дела. Ребята там хорошие, опытные. Я поинтересовался насчет знака.

– «Воинская доблесть». Знак ЦК ВЛКСМ.

Мог ли я тогда предположить, что с этим капитаном – Валерой, Валерием Петровичем Буниным, судьба будет нас крестить по жизни и службе от Афгана до Польши и Чечни без малого двадцать лет...

Кстати, перед кадром в классе политуправы ТуркВО есть еще один. Не хотелось бы вспоминать, но... На нем, улыбаясь в объектив, стоит на ступеньках редакции «Гвардейца» офицер, который, узнав, что мой рапорт об отправке в Афганистан был принят, пошел в особый отдел белоцерковской дивизии и заявил: «Рамазанов рвется в Афганистан, потому что нерусский. Может и перебежать». Особисты буквально ошалели от такого доноса. А потом заподозрили, что у «доброжелателя» не все в порядке с головой. Во всяком случае, куратор редакции, очень интеллигентный и умный сероглазый майор, с печалью в голосе мне об этом рассказал за день до отбытия в Ташкент. Нарушал, конечно, он правила их тогдашней конторы. Но ведь там тоже сумасшедших сексотов не привечали.

Свободный полет

На фи́га нам в Афганистане советские деньги? Самолет в Кабул обещали через три дня. И мы добросовестно промотали в ташкентских шашлычных последние десятки. Правда, щелкнул предохранитель, тридцать рублей «НЗ» я оставил. Вечером в номер позвонили.

– Рамазанов? Мне о вас говорил Бунин. Я – полковник Урсул, заместитель редактора газеты округа «Фрунзевец». Слышали о такой?

– Да, – соврал я. – В Киеве, в редакции читал.

Ложь была невинной. Есть округ – есть газета. Почему бы не сделать людям приятное?

– Через полчаса я буду в холле. Надо встретиться.

– Буду, товарищ полковник. Есть.

Урсул, расспросив об опыте работы, вдруг сказал: «А чего тебе в Афганистане делать? Иди в нашу газету. Майорская должность. А «за речку» в командировки наездишься. Идет?»

«За речку». Я уже не в первый раз слышал этот оборот. Так предпочитали говорить о поездке в Афган. (Речка, речка – Пяндж... Амударья... Оксу... Джайхун, твою мать! Только через двадцать лет я распрощаюсь с тобой. Надеюсь, навсегда.)

– Нет, товарищ полковник. Я ехал в Афган. Я вот послужу, тогда с удовольствием.

– Ну, смотри... Наши тоже «из-за речки» не вылезают... Значит, так: утром в семь часов стоять на дороге у «Саехата», знаешь где?

– Знаю, ужинал там. (Какой там «ужинали» – водку жрали! «Саехат» – ресторан рядом с гостиницей, в котором с офицеров драли безбожно.)

– Я буду на «УАЗе». Член Военного совета летит в Кундуз. Вот тебе и оказия. На кой тебе кабульские пересылки?

– Есть. Спасибо.

– Не опаздывай. Ждать не буду.

«Ан-26Б» – самолет командующего округом – вместо Кундуза приземлился в Мары, у начальника Политуправления округа был свой план работы. Перед взлетом в Ташкенте Урсул усадил меня в небольшом отсеке за столик с замечательной крышкой – картой среднеазиатских республик, Ирана и Афганистана – зоной ответственности округа. Вот тут можно было составить впечатление о ТВД (театре военных действий), существующем и перспективном. Даром что на карте стоял гриф «Секретно. Экз. единственный».

Минут через тридцать после взлета борттехник принес салат из огурцов и помидоров, хлеб и чай. Все припахивало керосином. Кстати, генерал-лейтенант, я уже знал его фамилию – Родин Виктор Семенович, произвел самое хорошее впечатление. Я вот о чем: есть генералы, которые одним видом давят. И ты, выполняя его приказ, выполняешь служебные обязанности. А есть, кто сразу приходится по душе, и ты готов сделать с радостью больше и лучше в ответ на его требование. А вот с чего начинается? Не знаю. Родин, среднего роста, в полевой форме, плотный, в нем чувствовалась мужицкая сила. Я отметил его физиономическое сходство с Марком Бернесом. Русые, или седые, густые волосы и черные брови. Это, братцы, порода!

– Откуда к нам прибыли?

– Киевский военный округ, товарищ генерал!

– Курортный, – усмехнулся Родин и, видя мое недоумение, добавил: – КВО – курортный. Да не обижайся, нас вот «чуркестанским» округом называют... А газетой в Кундузе надо заниматься. Что-то они застряли в полевых условиях.

Мне повезло. С генерал-лейтенантом Родиным довелось два раза проехать по северу Афганистана летом 1981 года. У него был огромный авторитет среди «молодняка» – комсогов частей, замполитов рот и батальонов. Я тогда не задумывался, откуда у начальника такого ранга детальное знание обстановки и положения дел в самых маленьких наших гарнизонах

– ротных опорных пунктах. И лишь через двадцать один год, во время интервью с ним, уже генерал-полковником запаса, в зимней Москве, узнал, что еще летом 1978 года руководство Министерства обороны СССР в лице Епишева ставило Родину задачи по оценке ситуации в Афганистане, посылало его в мятежный Герат. Ему же довелось принять самое активное участие в развертывании 40-й армии и ее вводе в Афганистан в декабре 1979 года.

Урсул попросил сфотографировать его у штурмовика, рядом с которым высилась пирамида решетчатых длинных барабанов. Я нажал на спуск. От «МиГа» отделилась фигура в синем комбинезоне.

– Здесь нельзя снимать!

– Нам можно. Мы свои, – буркнул Урсул.

Фотоаппарат я на всякий случай спрятал и, подходя поближе к барабанам, сколоченным из толстых брусьев, увидел силуэт авиабомбы, прочитал черные буквы маркировки – ФАБ.

– «За речку» летают, – пояснил Урсул.

– С этим... С нагрузкой, – кивнул я на бомбы.

– И с этим тоже... В первую очередь.

Вернулся Родин. Вместе с ним прибыли пограничники. Проверили паспорта и командировочные удостоверения у меня, потом у Урсула.

– Чемодан ваш?

– Да.

– Что в нем?

– Форма. Личные вещи.

– В первый раз летите?

– Да.

– Всего хорошего.

Это была самая короткая (может быть, потому, что первая?) проверка документов и таможенный досмотр при пересечении границы СССР. Генералов, как пояснил мне Урсул, таможня не досматривает.

Мы еще постояли несколько минут в тени самолета. Припекало. Родин в отдалении что-то втолковывал полковнику, видимо, командиру части. Полковник периодически вытягивался в струнку и прикладывал руку к огромной шитой фуражке. Зевая, подошел бортехник.

– Из Кундуза на Кабул пойдем. А завтра назад, – сказал он Урсулу, а потом кивнул на фотоаппарат: – Снимать будете? Не стоит перед полетом. Есть такая примета. Потом – пожалуйста.

Приметы я всегда уважал. И на всякий случай спросил о других «знамениях».

– Ну, женщину первой на борт не стоит запускать. Номер тринадцатый ни к чему. Перед двигателем нельзя окурки, спички бросать, мусор всякий. Спать нельзя перед движком...

– Обидится?

– Да. Обидится. Примета такая, – серьезно сказал бортехник.

Большое спасибо этому человеку. Никогда и нигде я этих примет потом не нарушал. А когда, в присутствии летчиков, рассказывал о них другим, то рейтинг мой повышался стремительно. Вообще летчики – народ ревнивый к своему делу. И если вы обнаружите самые элементарные знания в авиации, они всегда будут рады вам и сделают немало доброго. Боевые летчики, которых мне доводилось встречать в Афганистане, Таджикистане, Чечне, были всегда людьми тактичными, доброжелательными. Не грубили и не хамили никому, но и спуску, в случае чего, не давали. Командир на своем борту – бог и царь, но никак не самодур. И этим сказано все.

В Кундузе мы приземлились минут через пятьдесят. Он и по карте был рядом с нашей границей. Урсул вскочил в «уазик», махнул в пространство рукой:

– Идите в редакцию, там все объяснят.

А где она, эта редакция? Час дня. Обед, видимо. Аэропорт районного масштаба. Степь. Рыжие холмы и красные горы на горизонте. Кругом колючая проволока, шлагбаумы. За одним из них, кривым и ржавым, – сидела в пыли кучка людей в чалмах и широких шароварах, поверх которых выпущены длинные рубахи, косоворотки. У всех связаны руки. Как-то странно связаны – локти заведены за спину. За ними присматривал, впрочем, как-то равнодушно необязательно тощий узбек, молодой солдат с автоматом, он же охранял въезд в аэропорт.

Я подошел к «колючке», повесил на нее шинель, которая уже выглядела смешно по погоде (плюс тридцать, не меньше). Закурил. На одной из ниток ограждения висела высохшая ящерица. Кто-то очень изобретательный соорудил для невинного пресмыкающегося миниатюрную, по всем правилам, петлю и казнил.

– Земляк, где тут штаб дивизии?

Солдат, даже не глянув, ответил:

– Прямо, через полосу, вон там, за палатками. Но через полосу нельзя.

– А в обход?

– Километра три...

Я пошел прямо. В «колючке», ограждавшей взлетно-посадочную полосу, было немало замечательных отверстий. Тропа была пробита.

По бокам взлетки, как гигантские стрекозы, шевелились вертолеты. «Восьмерки», «двадцать четверки», ого, вот и «Ми-6». Так близко я еще не видел эту огромную машину. Под ногами грохотало пупырчатое зеленое железо – такое покрытие стоянок я тоже видел впервые. Слева поднялись синхронно и с каким-то курлыканьем затанцевали на небольшой высоте пара «Ми-8». Этого даже в кино не покажут.

Отряхнув пыль и почистив сапоги полый шинели, я приготовил документы и шагнул на низенькое крылечко в середине дощатого барака. Табличка гласила: «Штаб в/ч пп 08224». Тут, как чертик из табакерки, в проеме двери появился худой нервный субъект с непонятными знаками различия, скорее всего подполковник, и закричал:

– Куда? Куда с чемоданами? Тут что, вокзал или штаб дивизии. Кто такой?

– Мне нужно в редакцию, – миролюбиво сказал я.

– Ну и идите себе в редакцию. Нечего здесь толкаться. С сумками прутся, как на базаре.

Я отошел, сбитый с толку напором этого, явно не в себе, человека. Он же еще пару раз ядовито прошелся по поводу бестолковых политработников и исчез в темноте штабного коридора.

Меня выручил проходивший мимо прапорщик.

– Куда определили, товарищ старший лейтенант? Не из Душанбе, часом?

– Нет, с Украины. Ищу редакцию.

– Да вот, прямо отсюда, видите аэропорт? А за вышкой водонапорная башня. А вот рядом три сосны. Под ними – редакция.

– Спасибо, брат. Я оттуда иду... А этот нервный кто?

– Начо пер, что ли?

Я огляделся. Несколько дощатых барачков. Вдали палатки, выгоревшие добела. Еще пара барачков строится. Тарахтит в яме, укрытой брезентом, дизель. Над всем возвышается уродливый металлический ангар. Надпись на нем гласила: «Офицерская столовая».

Ну что же, назад так назад. Бросить где-нибудь этот чертов чемодан, шинель. Попить воды и постараться понять, что мне здесь нужно делать.

«За честь Родины»

Я толкнул хлипкую, затянутую маскировочной сетью калитку и очутился в райском уголке. Маленький дворик, по краям заборчика из все той же песочного колера маскировочной сетки зеленела осока, журчала в крохотном арычке вода. Сосны, нависшие над двориком, источали смолистый дух. За низеньким столом, сервированным стаканами и закопченным чайником, в самодельных шезлонгах предавались кайфу двое. Один – атлетически сложенный, с высокими залысинами, второй – порыхлее, с круглым, уже светящимся, явно не только от чая, лицом. Оба по пояс голые.

– ...Прибыл для дальнейшего прохождения службы, – с облегчением выдохнул я, понимая, что на этот раз попал к своим.

Через полчаса я стал обладателем койки и тумбочки, познакомился со своим предшественником – Стасом, который был весьма обрадован появлением «заменщика». Атлет в шезлонге оказался редактором газеты – старшим лейтенантом Николаем Бурбыгой, а его собеседник – корреспондентом окружной газеты. Я вышел во дворик из сумрака палатки, по примеру коллег раздевшись по пояс. С удовольствием заметил гири, гантели, турничок самодельный. Крутиться на таком в полный мах – опасно. Но у меня были в запасе три-четыре эффектных выхода, стойка.

– Ну, ты лошадь, Саня, – уважительно сказал окружной корреспондент, видя мои экзерсисы.

В глазах редактора я прочел одобрение. Это мне и нужно было.

– А ведь сегодня первое апреля, – задумчиво как-то сказал редактор, – праздник. А тут вот ответсек прибыл...

Через десять минут мы уже поднимали граненую тару за День смеха (не помню, назывался ли он тогда именно так?). Закусывали перловой кашей из сухого пайка, разогретой в банках. Кстати, редактор не особо-то и накачивал, да и я понимал, что этот дружеский обед содержит элемент проверки.

Редакция и типография газеты «За честь Родины», какими я увидел их в апреле 1981 года, заслуживают подробного описания. Видимо, недаром я отснял тогда почти целую пленку, не выходя из пределов (20 на 20 метров) этой уникальной организации.

Видавшая виды брезентовая двадцатиместная палатка была расперта изнутри стойками. Но это мало помогало. Брезент по углам провис, образуя большие чаши для воды, хвои и кусочков коры, которые щедро сыпали внутрь дворика нависшие над палаткой сосны. Это были настоящие южные сосны – пинии. Смолистые красные стволы, длинные иглы, огромные клейкие шишки. Несколько кочек осоки, хиленькие саженцы плодовых деревьев подпитывались из арычка. По одному из скатов палатки вился стебель плюща.

Шезлонги, табуреточки, стол и скамейки – все было сколочено из сосновых досок, носивших явные следы оружейной тары. Посудный шкаф, тот попросту был сделан из снарядного ящика. А посуда в нем, помимо обычной, армейской (алюминиевых мисок и эмалированных кружек), была и вовсе замечательная – колпачки от снарядов – металлические и колпачки от «НУРСов» – пластмассовые, черные и белые. Стаканчики – для чая маленькие, вот для иного дела – хороши. Особенно металлические, поскольку, не выпив до конца, поставить на стол его нельзя, как рог.

Кстати, впервые первого апреля 1981 года я выпил за память о погибших. Стоя, не чокаясь, как мне пояснили жестом. Молча. Но это была не третья рюмка. Не третий тост, а второй. Позже, через два года, в Ташкенте, я все никак не мог привыкнуть к тому, что за погибших – третий тост. Но толком такое смещение никто объяснить не мог, как, впрочем, и то, почему бы памяtnому, поминальному стакану не быть первым?

Внутри редакционного дворика было чисто. Старые ведра заменяли урны. Вместо пепельниц – снарядные начищенные гильзы. Ну и, конечно, неизбежная, выгоревшая доска документации, обтянутая мутноватым полиэтиленом.

Внутри палатка была разделена надвое фанерной перегородкой. При входе – редакция, глубже – спальное помещение. Четыре койки, круглая чугунная печь, обложенная камнями. Автоматы, как правило, прятали под тощими подушками, поскольку в сейф они не влезали, а патроны, гранаты и прочее вместе с тапочками, старыми ботинками и носками заталкивались под кровать. Курить в палатке не позволялось. Редактор не курил, будучи убежден, что это сильно влияет на снижение половой потенции, да и попросту в этой ветхой, сухой как порошок палатке, когда топилась печь еще прохладными ночами, душа ныла от нехороших пожарных видений. Палатка, кстати, была прижата к машинам вертолетной ТЭЧ (технико-эксплуатационной части), набитой дорогостоящей аппаратурой, а задами дворик упирался в площадку, на которую закатывали вертолеты «Ми-24» для регламентных работ. За пожар могли и шлепнуть до суда и следствия.

Шестеро солдат, они были хозяевами типографии, жили в прицепе. Там бойцы оборудовали лежанки. Прицеп изнутри напоминал гигантскую берлогу, обитую и устланную армейскими одеялами и брезентом.

Бурбыга показал на крепенького, рязанского вида солдата.

– Он с нами с самого начала. Входили вместе. Бывал в переделках. Ты его, ну так, поуважительнее. Ему скоро увольняться, в мае. Толковый мужик. Сейчас он у личного состава за главного, а потом решим, кого назначить.

Пятеро бойцов были русские, шестой – Одилджон – узбек. Он почему-то очень обрадовался, узнав, что у меня нерусская фамилия. Видимо, где-то натерпелся от славян по молодости армейских дней.

– Вы занимались борьбой, товарищ старший лейтенант?

– Нет, Одилджон, а вообще в Дагестане все борются.

– Я на свадьбах боролся. Вот ковер сделаем, будем тренироваться?

– Будем. Вес у нас похожий. Сколько?

– Шестьдесят семь.

– Ну и у меня около того.

А с тем, рязанским, а точнее, подмосковным хлопчиком, что был за командира, я говорил уже вечером. Точнее, говорил он, а я спрашивал. Поскольку впервые видел перед собой солдата, прошедшего через афганскую заваруху с первых дней. Кое-что из его рассказа сохранилось в памяти.

«...Мы сюда не сразу попали, в аэропорт. Сначала в Дом офицеров. Его сейчас нет. Он сгорел в январе. А тогда шли от Термеза, в феврале восьмидесятого, вот след, в нашу машину танк въехал, а вот дырки наверху, видите, обстреляли. Может быть, и свои. Ночью не разберешь... Здесь, в Кундузе, десантура стояла. В траншеях вода, грязь... У них тут дизентерия пошла. А мы пришли, у нас все свое было из Душанбе. Я с начальником политотдела ездил, охранял. Он суровый мужик был, не особо чикался с афганцами... А вам не приходилось убивать? Ну, стрелять в человека, так, чтобы вы видели сами? Нет? А мне приходилось. Все это ерунда, что он там дергается, кровь льется. Просто, как мешок, обмякает и валится...»

Договорились, что я сделаю «дембелю» снимки, а он пообещал достать мне ботинки и танковую куртку.

– Не новые, конечно, но хорошие. И еще шлем найду. Зимний. Пригодится.

Действительно пригодилось. Ночи в апреле, да и до середины мая, были холодные. Поскольку палатка тепло не держала, спать приходилось одетым. И шлем, танковый, зимний, с мягким коротким мехом внутри оказался кстати.

– Я его вымыл, вы не беспокойтесь. Это так, немного пятна остались...

Позже я узнал, что шлемы он собрал в подбитой, полусгоревшей боевой машине десанта, экипаж которой погиб, получив кумулятивную гранату как раз в место механика-водителя. Я видел эту дыру. Тонкую броню БМД граната не прожгла. Она ее просто проломила и... все остальное внутри превратилось в месиво. А зимние шлемы уцелели.

Умываться солдаты ходили к соседям из ТЭЧ. Офицерам по утрам поливали из чайника. Мне это не понравилось, и на следующий день, найдя на свалке пятилитровую жестяную банку, длинную шпильку с резьбой, я соорудил добрый старый рукомойник. Сосковый Мойдодыр. (Кстати, лет до тридцати я считал, что слово «Мойдодыр» – имя произвольное, и не додумывался делить его на составные части.) Грязную воду, правда, пришлось выносить со двора. Стока не было. Сортир тоже располагался метрах в пятидесяти. Но здесь мне жить...

«В армии можно служить в газете или в особом отделе» – эту историческую фразу я услышал от капитана Тараненко, редактора белоцерковской дивизионки. Сам он окончил танковое училище. Впрочем, для военных газет всех рангов журналисты с командирским образованием не были редкостью.

В Советской армии и Военно-морском флоте к началу восьмидесятых годов было около ста пятидесяти действующих дивизионных, бригадных, базовых и крейсерских газет. Многотиражек. От Кубы до Шпицбергена. Для них была строго установлена периодичность, формат, тираж, технология печати. Начиная со времен Буденного и Ворошилова, вся жизнь этих печатных придатков политических отделов регламентировалась огромным количеством неустаревающих приказов и директив. Кроме того, в кадрированных дивизиях эти «окопные правды» находились в анабиозе, периодически просыпаясь во время мобилизационных мероприятий. И тогда сотрудники районных газет, офицеры запаса и военнообязанные типографские спецы, приписанные к дивизиям, выпускали один-два номера, доказывая, что «если завтра война», то газета займет свое законное место в боевых порядках, рядом с тыловым пунктом управления.

Оборудование типографии, казалось, не изменилось со времен подпольных типографий большевиков. Ручной набор, тигельная печатная машина, которую можно было при необходимости запустить в работу при помощи ножного привода, и прочий свинцово-чугунный хлам. Прогресс обозначался наличием очень капризных линотипов (строкоотливных машин) «Н-12» и ЭГЦ – электронно-гравировальных центров. О последних скажу особо. В конце 50-х годов они были изобретены в Одессе. Там и производились. В Одессе электронное гравирование получалось. А вот в армейских условиях выходила полная херня. Аппараты ломались и восстановлению не подлежали. Но факт наличия такого аппарата в редакции позволял отделам технических средств политуправлений запрещать расходы на изготовление клише методом цинкографии.

К середине 60-х годов появилось чудо военно-полиграфической мысли – БПК (бесшрифтовые полиграфические комплекты). Здесь оригинал-макет набирался на хитроумной печатной машинке с угольной лентой, а затем переснимался на селеновую пластину, с которой изображение переносилось на офсетную фольгу. Все было сверхзамудонским, кроме печатной офсетной машины – «Ромайор». Но они-то выпускались в Чехословакии. Вот на таком БПК и покоилась полиграфическая база «За честь Родины».

На кой, скажите, солдату была эта самая «За честь Родины»? Про то, что он служит в Афганистане, писать нельзя. Что ранен – нельзя. Что отбился на дороге от «духов» и спас товарища, вывел из-под огня машину – нельзя. Убитого помянуть нельзя.

А что можно? Боевая учеба и караульная служба в Н-ской части. Как в лицо не плевали, не знаю. Вежливые были тогда люди, понимающие. Поэтому я больше снимал, чем расспрашивал. А подарить солдату или офицеру фотографию в тех условиях – большое дело.

Газета наша была слепая, на желтой ломкой бумаге. Даже для сортира не годилась. Там в ход шли «Красная Звезда», «Правда» и окружная газета «Фрунзевец». Бумага хорошая, но

поскольку в Ташкенте, где они печатались, краски на основе газовой сажи не жалели, то весь контингент на этом основании можно было назвать «черножопым».

Меня много раз спрашивали, совершенно серьезно, о наличии свинца в типографской краске на предмет безопасности заднего прохода. Приходилось тактично объяснять, что в выхлопных газах БМП того же свинца, да в еще более опасной форме, куда больше. Надо было отстаивать честь профессии!

А относительно правды об Афганистане – окружная и центральные газеты писали не больше нашего, а брехали неизмеримо больше. О телевидении и радио не говорю. Ими задницу не подотрешь, но, по всем понятиям, стоило бы!

Помню случай, когда под Багланом летом 1981 года заливались кровью роты 149-го гвардейского мотострелкового полка и долина была затянута дымом залпов, пожаров и взрывов, «Маяк» вышел в эфир: «В афганской провинции Баглан проходит комсомольский субботник. Члены Демократической организации молодежи Афганистана приводят в порядок улицы провинциального центра, сажают деревья. В субботнике принимают участие воины Ограниченного контингента советских войск». Солдат-десантник из 56-й ДШБ, слушавший вместе со мной новости, мрачно сказал: «У них – другой Афган...»

В нашем Афгане, на соседней горке, ночью «духи», прорываясь в горы, отправили к Аллаху взвод молодых солдат. В нашем Афгане били часами, не переставая, самоходные орудия – «Гвоздики» и кассетные минометы – «Васильки», танки и БМП. Так, что краска пузырилась на стволах. Но не буду забегать вперед... А главное, чтобы на «нетленку» – не тянуло. В моих «афганских кишках» – пленках не было патетики, упоения боем.

Война вообще очень буднично и грустно выглядит на черно-белых снимках. Особенно когда снимаешь «ФЭДом», чей объектив был сродни микротому, особой бритве для тонких срезов тканей.

Офицер-любитель

Редакция «За честь Родины» создавалась в январе – феврале 1980 года, когда 201-я Гатчинская Краснознаменная (позже она станет дважды Краснознаменной) мотострелковая дивизия разворачивалась под Термезом для входа в Афганистан. История с дивизией обошлась по справедливости. 201-я завершила ввод войск 14 февраля 1980 года и последней же, 15 февраля 1989-го, вышла из Афганистана, вынося на себе бремя славы последнего командарма 40-й общевойсковой армии.

Поскольку действующей газеты в кадрированной дивизии не было, состав редакции набирали в добровольном порядке из числа политработников. Редактором был назначен пропагандист полка старший лейтенант Николай Бурбыга, ответственным секретарем – замполит (может быть, и ошибаюсь) батальона Станислав Гончаренко, корреспондентом-организатором – замполит роты лейтенант Александр Краузе. Только советские офицеры могли работать в таком широком диапазоне. Да поставь их хоть на медицинский батальон, все одно – справились бы, в пределах армейских требований.

К моему появлению в редакции Краузе уже заменился в Союз, в окружную газету «Фрунзевец», Гончаренко должен был днями убыть к месту замены. А Бурбыга готовился к поступлению в Военно-политическую академию имени Ленина. И что его особенно волновало – на редакционный факультет. Ему бы, конечно, было привычнее на тот, где гранили замполитов полков. Но звание редактора обязывало. О Бурбыге я еще вспомню не раз. А вот Гончаренко мелькнул в памяти отстраненностью, угрюмостью, постоянным переключением чемодана и уходом за редкими волосами с помощью разных пахучих масляных протираний. Я, изрядно полысевший к 30 годам, огорчил его утверждением, что раннее облысение (вне болезней, контактов с радиоактивными материалами и СВЧ) носит генетический характер и необратимо. Мое утешение, что быстро лысеющие субъекты с повышенной потливостью ног обладают высокой половой потенцией, видимо, его не ободрило.

А вот и первый снимок Игоря Махно. Корреспондента-организатора, который прибыл в редакцию в январе. Игорь сидит с озабоченным видом за секретарским столом. В руках ножницы и полоска бумаги. Верстка шла путем выклеивания макета.

Большинство писем, которые получал из дома Игорь, несли отметку: «Поступило в поврежденном виде». Они усердно вскрывались и читались органами. А как еще было поступать цензорам и прочим, если на конверте стояло «в/ч пп 08224 «Р» И. Махно... От... Махно». Сразу про батьку Нестора вспоминали! Но о письмах, об Игоре – друге боевом – позже и немало еще! А теперь о том, откуда знания анатомии, генетики, гистологии у ответственного секретаря дивизионной газеты.

На снимке в полный рост посреди пустынного шоссе стоит худой, выше среднего роста старший лейтенант в полевой фуражке, сапогах, танковой куртке. По бокам шоссе огромные сосны. Это я, Рамазанов Алескендер Энверович, 1950 г. р., лезгин, обр. высшее – Дагестанский сельскохозяйственный институт (зооинженерный факультет) в 1976 г., диплом с отличием. Военное образование – курсы офицеров запаса в 1971 г. при 43-й радиотехнической бригаде Бакинского округа ПВО.

Я всю жизнь мечтал работать с животными. Некоторым образом моя мечта сбылась с точностью до наоборот. «Животные» во власти и чинах плотно «работали» со мной на протяжении двух десятков армейских лет. Нет, людей добрых много было, но что ни начальник, то скотина. Но это законный вариант в любой армии.

Офицером запаса я стал еще при прохождении срочной службы. Отчего не узнать что-то новое, не покрутиться среди счастливых, кому служить один год, студентов вузов, не имевших

военных кафедр. Из них за три месяца до окончания срока службы делали офицеров запаса – младших лейтенантов.

Из кабинетов политотдела 43-й радиотехнической бригады, где я мыл полы в должности инструктора по комсомольской работе, я был командирован в Кизил-Арват. В десятке километров от этого города в такырной пустыне стоял, буквально врастая в землю, радиотехнический батальон. Вот здесь я и стал офицером запаса, по дембелю получив вместо военного билета узкую полоску бумаги странного содержания: «Временное удостоверение офицера запаса. Воинское звание: без звания...»

Затем моя любовь к погонам вылилась во второй призыв, после окончания института, на два года замполитом роты в железнодорожные войска, а потом... хобби стало профессией. Но своим коренным сельскохозяйственным образованием я всегда гордился. Оно было глубоким и крепким.

Разрази меня гром, но я не могу сказать, почему я пошел в Афганистан 31 года от роду. Да это и не вопрос. А вот вопрос: если бы я попал в Афганистан 18-летним пацаном, сумел бы выдержать ту долю солдатскую? Опасность, страх, полуголодное, грязное существование, унижение, соблазн «оттянуться» с помощью наркотиков?

И через двадцать лет, и до конца жизни я не смогу сказать по этому поводу ни да, ни нет. Я не трусил, бывал почаще многих в боевых ситуациях, мне не стыдно за свои ордена. Не боялся лишений, но ведь всегда мог потратить на еду и свои деньги, и найти баню. Мог пойти в «дело», мог не пойти. Мог переспать с женщиной, пусть даже и за умеренную плату. Поездка в Союз не была для меня особой проблемой. И потом, мне был 31 год. Срочная действительная служба, какой-никакой жизненный опыт. А солдат? Мальчишка, которого после двух месяцев хозяйственных работ в Термезе (Кушке, Мары, Иолотани и др.) бросали в Афганистан – грязного, завшивленного, в драном обмундировании. Ему было каково? Вот поэтому, и еще по многому другому, не могу я дать определенного ответа на вышеизложенный вопрос. Впрочем, ведь меня никто не спрашивал. Это я сам придумал такой тест.

О местности, о нравах

В отрочестве, помню, мне запала в душу теория о том, что характер народа, нации во многом определяют географические условия. Это много позже до меня дошло, что книжные знания о народах – якорная цепь заблуждений. Якорная в смысле крепости звеньев и крюков, которыми слова цепляются за память.

Так вот: афганцам, с которыми довелось общаться, было совершенно наплевать на столь важные для нас названия горных вершин, перевалов, дорог. Черная гора, Белая гора, а с другой стороны хребта белое – черное, а черное – белое. Но вот речные долины они знали хорошо, как и названия кишлаков. Здесь разнобоя не было. Горные тропы для них были неведомы. Разве что старики смутно вспоминали особенности караванных путей.

Было ясно одно: стоим у отрогов Гиндукуша, в его восточной, не самой высокой части. На запад тянулись Кох-и-Баба, Банд-и-Туркестан и Сефид-Кух, но это уже к Ирану и Туркмении. Афганцы боялись гор и старых троп через перевалы. Бормотали, что душманы именно там. Причем во всех горах сразу.

Я эту священную горную боязнь узнал еще в Дагестане. Шайтан, Иблис, девы жили в горах. Там же обитали снежные черви. «Старый снег портится, в нем заводятся черви», – вполне серьезно убеждал меня в горном селении ученик выпускного класса, впоследствии успешно сдавший вступительные экзамены на математический факультет Дагестанского университета.

Дивизия стояла в речных долинах Амударьи и ее притоков. Лето душливое и бесконечное. Хороши были весна и осень, но очень уж коротки. А зима – хреновая. Морозная, а чаще пронизанная ледяной сыростью.

На полях – ячмень, рис, пшеница, конопля, опийный мак. Реже кукуруза, бахчевые культуры. Хорошие, ухоженные виноградники и скудные фруктовые посадки – урюк, гранаты, яблоки. Много ореховых деревьев. Хлопок. В дело у крестьян шел речной тростник, его использовали для возведения заборов, хозяйственных построек и плетения циновок, которыми подбивали потолки и устилали полы в глинобитных домах.

Из всего, что я узнавал об афганцах, складывалось следующее впечатление: жестоки, скрытны, вероломны. Особых предрассудков не имеют. Таджики, как истинные евреи мусульманского Востока, традиционно были скаредны и хитры. Узбеки себе на уме и крайне недоверчивы. Туркмены, те близко нас не подпускали.

Древний образ жизни, включая обработку земли деревянной сохой, обмолот цепями и пр., был обычным в кишлаках и успешно сочетался с японскими грузовиками, антибиотиками и двухкассетными магнитофонами.

И еще я почувствовал святую ненависть детей разных народов в Афганистане друг к другу. Это обстоятельство удачно использовала центральная власть при формировании карательных отрядов. Вот так и надо воевать в горах!

Пуштуны иногда осторожно говорили о том, что они потомки главнокомандующего войсками Сулейман ибн Дуда (мир с ними обоими!) некоего Забора Аврана (в канонических текстах Священного Писания похожего имени я не обнаружил).

Конечно, конечно! Памирцы, те и по сей день числят себя потомками Искандера Зулкарнайна – Александра Македонского.

Да и что за народ без мифа – истинного, нетленного богатства народа? Вера – спасение личное. Миф – защитник нации.

Хотите изменить народ?

Уничтожьте миф!

Правда, это не так просто. Чаще – мифы переживают своих создателей и носителей и ласково прилипают к новым живым телам.

Кундуз-Южный

Секретарская работа в газете предполагает наличие чугунной задницы. А корреспондента – ноги кормят. Видя, как я перебираю выданные автомат, пистолет Макарова, подгоняю ремни и застёжки на подсумках, нашиваю карманчики для блокнота, пленок и индивидуального пакета, редактор не выдержал:

– Саня, тебе ведь не особо ездить придется. Твое дело – макет, вычитка, общее состояние... Да и мне месяц остается. Ухожу ведь без замены. Какое-то время исполнять обязанности редактора будешь...

– Владимыч, а если мы с Махно поменяемся ролями. Я писать буду, а он пусть секретарит?

Редактор неожиданно легко согласился на такой вариант.

– В нашей кухне, сам знаешь, политотдел не очень-то разбирается. К тому же у Игоря жена на седьмом месяце...

Махно тоже против такого расклада не протестовал. Он не был в особом восторге от этих утомительных, небезопасных вояжей. Но никогда я бы не подумал обвинить его в слабости духа. Через год за совершенно конкретное участие в боевой работе я составил и подписал ему наградной лист на медаль «За боевые заслуги». И он получил свою награду.

Но комфорт любил, это было. А главное – с юмором был парень. Да и по природе – усидчив. Хорошая профессиональная подготовка – выпускник Львовского военно-политического училища – единственного в стране, готовившего журналистов для всех видов Вооруженных сил.

На пленке, все же частично изгрызенной афганскими мухами, запечатлена группа солдат, держащих в руках газеты «Фрунзевец» и «Красная Звезда». Лица у всех такие натужные, будто они опились настоя янтака – верблюжьей колючки – и теперь коллективно страдают от сурового запора. Фоном служит палатка с табличкой: «Ленинская комната». Входить в нее не рекомендовалось, ибо днем она напоминала сауну, а вечером в ней не было света, да вдобавок ко всему на дощатом полу масляными красками была изображена панорама Кремля.

«А что в нее заходить? – гоготнул огромный, как медведь, командир роты, выпускник московского ВОКУ. – У нас на полигоне в Наре их просто проверяющим показывали. Красиво, да?»

Половина пленки истрачена на какие-то местные унылые пейзажи, крупные и средние планы на взлетно-посадочной полосе. Вот группа офицеров и женщин в джинсах и обтягивающих кофточках («батниках»), сгорбившись, влезает на рампу «Ан-26». Парашютные сумки, чемоданы. Я привыкаю к режимам съемки в разное время суток, при разном освещении. Экспонетром не баловался. Не на курорте! А земля здесь давала мощный отраженный свет. К тому же резко поменялись режимы проявки и печати. Пришлось составлять «тропические» растворы. Для сушки пленок, чтобы не пудрила эмульсию вездесущая пыль, я сколотил деревянный бокс. Увеличитель – дрянь. УПА – портативный. Он прилагался к оборудованию типографии. Слава богу, реактивов, достаточно свежих, было много, в армейской упаковке, железных банках.

Несколько кадров «оружейной выставки». Автомат с откидным прикладом, калибр 7,62, пистолет Макарова, две ручные гранаты «РГД», подсумки. Это мое оружие. Корреспондентский комплект.

К оружию я всегда относился с особым уважением. Всегда тянуло к стреляющему железу. В раннем детстве были деревянные мечи, луки, пращи, позже – ножи из обломков пил и ромбических напильников. Первый свой самопал (на местном наречии – «поджиг») я собрал в четвертом классе. И уже на летних каникулах, осатанев от страха и обиды, ткнул кургузый

ствол в живот городскому «шмональщику». Ума хватило не чиркнуть коробком о запал. Но замухрышный, черный зверек из городских трущоб, за спиной которого кучковалась кодянка, оцепенел. При выстреле в упор «поджиги», и на холостом заряде, разворачивали плоть, как добрый нож консервную банку.

Через два года, идя по стопам такого же, как и я, юного «Мосина – Калашникова», Владьки Склярова, в будущем опера угрозыска, я изготовил оружие под мелкокалиберный патрон. Устройство – гибрид детского пистолета и хорошо пригнанной системы ствол—боек—пружина, было испытано на задворках школы. В портфеле появилось щелевидное отверстие, а кусочек свинца застрял в середине учебника зоологии. Судьба спасала нас до времени от нарезного оружия. И хотя мы добросовестно пытались понять, как изготовить «винт» в домашних условиях, в книгах этот процесс не расписывался. Не то что теперь – хоть атомную бомбу на кухне варгань!

Автомат я менял дважды. Оружие в комендантской роте хреновое. Битое, грязное. Пистолет, первый, тоже пришлось вернуть. У него сам по себе «гулял» предохранитель, а на рукояти были странные глубокие царапины. Гвозди, что ли, забивали?

Гранат «РГД» и «Ф-1» в редакции было намного больше, чем у «матроса-партизана Железняк», когда «он шел на Одессу, а вышел к Херсону», если верить песне.

Все гранаты, запалы, патроны я взял «с новья». Хотя россыпи хватало. Но я-то знал, что чужое – не свое. И еще: если кто в чужой дом с оружием пришел, то его тем же и угостят. А задарма погибать не хотелось.

Вот на снимке грузят в «Ан-26Б» два деревянных параллелепипеда. Это «груз-200». Погибшие. Их расстреляли за 200 метров от боевого охранения на выносном посту из проезжающей «Тойоты». Ни «грузом-200», ни «300» (раненым) мне быть не хотелось. Думалось об удаче, славе, уважении. Потому и придирчиво относился к личному оружию.

То, что в Советской армии каждый сам за себя, особенно среди офицерского состава, я уже знал достаточно хорошо. «Каждый баран носит свои яйца» и «Кого е...т чужое горе» – эти конкретные пословицы были уже в чести.

По профессии своей я должен был многим интересоваться и уже знал из оперативных журналов политотдела, что в одной только 201-й мотострелковой без вести пропало к весне 1981 года восемнадцать солдат и сержантов. А когда в августе 1980 года под кишлаком Шаеста афганские партизаны расстреливали из засады разведроту, то в течение дня никто к ней на помощь не пришел. Погибло под перекрестным пулеметным огнем в тот день шестьдесят человек. Копии посмертных наградных листов – героев представили к великой комсомольской награде «Воинская доблесть» – пылились в редакции.

Я доводил до ума свой автомат, метал гранаты на стрельбище 149-го мотострелкового полка, где обучалась молодежь. Замполит полка подполковник Барышников и начальник штаба подполковник Тавровский только чертыхались по поводу подготовленности пополнения. Оказалось, что бойцы два месяца занимались под Термезом хозяйственными работами, а потом были переброшены в Афганистан. Тавровский и Барышников, предчувствуя великие беды, усилили огневую подготовку.

Вот их снимок: офицеры стоят у густо покрытой меловыми крестиками мишени. Оба отлично стреляли из личного оружия. В тот день удачливее оказался Барышников.

Через два месяца, летом 1981 года, подполковник Барышников запрыгнет в крайний вертолет, в сумерках уходящий к месту, где были окружены «духи», вместе с тем же молодняком.

Моджахеды, запертые в кишлаке, конечно, видели, кто прибыл последним, как неумело и нехотя окапывались эти солдаты, в большинстве – узбеки и азербайджанцы, и ночью пойдут на прорыв вместе с жителями кишлака. А что делать? К утру их бы превратили в кровавую кашу несколькими бомбоштурмовыми ударами и дождем из мин и безоткаток. Роту, с которой будет Барышников, выбьют с занимаемых позиций. Она не успеет израсходовать и половины

боекомплекта. Раненых прикончат камнями. Такой будет цена хозяйственных работ за счет боевой подготовки.

А замполита найдут с тремя пулями: две в груди, одна в голове. Поговаривали, что третью, в висок, он пустил себе сам, чтобы не попасть в плен. Верю, поскольку такие офицеры, как Барышников, честь имели! В этом ночном разгроме выжил мой знакомый лейтенант. Чтобы не угодить к «духам», он просто бросился с крутого откоса во тьму. Утром его нашли у речушки, без сознания. В руке зажата граната «Ф-1», да так, что ее пришлось буквально отдирать. Кажется, потом он закончил свою карьеру в каком-то районном военкомате, по инвалидности.

Военная мысль

Из БМП выгружают хлеб, картонные коробки с тушенкой, рюкзаки с картошкой и луком... Фанерный щит с выгоревшей «Красной Звездой», а рядом скромный листик «За честь Родины» и два узбека, якобы впитывающие информацию... Полукольцо скамеечек вокруг снарядной гильзы – пепельницы: солдаты сидят, увлеченно рассматривая свежие газеты...

Голова механика-водителя в ребристом шлеме, взгляд устремлен в объектив, хорошо видна ямка на смотровой призме, сюда попала винтовочная пуля. На полмизинца выщерблено внутри бронебойное стекло. Вот такие примерно снимки первого выезда на блокпосты.

Ко мне потихоньку привыкали в частях Кундуза-Южного – так неофициально именовалось место дислокации штаба, двух полков и спецчастей 201-й дивизии. Недоверчивость здесь была просто обычным отношением к новому человеку. Да ведь и было что беречь от чужого глаза. Как к корреспонденту, относились нормально. Основным источником информации были замполиты рот и батальонов, комсомольские работники – освобожденные. Их полагалось по одному на полк или отдельный батальон.

Контакты завязывались чаще на основе натурального обмена. Мне рассказывали о героях ратных будней. Я снимал, а затем приносил фотографии, делился с «политическими» казенной пленкой и листами стандартной бумаги (это был дефицит).

Ощущение от первой поездки по гарнизонам осталось тревожное. По многим признакам становилось понятно, что с наступлением темноты эти взводные опорные пункты охраняют всю ночь сами себя.

Когда выезжали из полка, суровый на вид капитан сказал: «Ты не высовывайся. Тут постреливают по дороге». А сам воссел на броню... Поболтавшись с полчаса в железном чреве вместе с консервами и буханками, на первой же остановке я вылез и, разминаясь, спросил его: «А ты почему наверху сидишь? Заговоренный?» Капитан откровенно сказал, что при подрыве или если гранату кумулятивную влепят, на броне больше шансов остаться в живых. Так, подумалось мне, приказ велит одно, а жизнь диктует другое. А в целом личная пуля все же лучше коллективной могилы! И, сколько себя помню, нигде и никогда, ни при какой погоде больше в броне не сидел, если сохранялась опасность подрыва или обстрела из гранатометов. И правильно делал. Были случаи проверить...

Мелькали квадраты рисовых полей, перелески, выгоревшие холмы. Что думалось в тот первый день? Да то, что в грохоте железа никакой выстрел со стороны, метров с двадцати, уже слышен не будет. На дорожной насыпи мы как зайчики жестяные в тире. «Люби Родину – учись метко стрелять!» А то, что большинство глинобитных домов вдоль дороги было разрушено – неважно. На войне развалины – лучшая крепость!

Еще я подумал, что вот если здесь грохнут нас, то Героя Советского Союза мне явно не присвоят. Во-первых, в Афгане без году неделя, во-вторых, выехал без благословения высшего командования, а в-третьих – за что Героя?

Вновь утешился аргументом: еду по чужой земле с оружием, на «шайтан-арбе», так иногда афганцы-крестьяне называли боевую машину пехоты, а значит, и в меня имеют право стрелять хозяева здешних мест. Вон сколько по обочинам битой техники! А насчет банальных истин и афоризмов так скажу: они в суровых условиях помогают. Вроде проговорил что-то, и на душе легче стало.

В деревнях тех дома из глины...

Начальника политотдела за глаза звали Кабан, а иногда и Вепрь. Он был толстый, но не рыхлый, а такого сложения, что чувствовалась особая животная сила. Маленькие голубые глаза, лицо и шея покрыты медно-красным загаром. Отношения с ним складывались как песня!

В конце апреля по нашему телефону ТАИ, где нужно было полчаса крутить ручку, чтобы ответил коммутатор летчиков, а потом выпрашивать штаб дивизии, поступило распоряжение явиться к полковнику Игнатову. Начальник политотдела пребывал в хорошем расположении духа.

– Рамазанов, вот тут у меня стихи. Я написал. Посмотрите, может быть, опубликуете в своей газете...

– Конечно опубликуем, товарищ полковник!

Стихи были бесподобные! В них полковник рассказывал, обращаясь к сыну, что в Афгане «в деревнях тех дома из глины, живут там женщины, мужчины» и так далее. Что делать? Коля Бурбыга посоветовал печатать как есть. Я же уперся:

– Надо править.

– Ну-ну, – усмехнулся редактор, – только давай без меня.

Да, через неделю ему нужно было уезжать в отпуск, а там и академия. С его отъездом была особая история – «спиртовой поход». Но сейчас речь о судьбе стихов начпо (на армейском жаргоне так называли начальников политотделов).

Поместил я изрядно поправленные, а кое-где и переписанные стихи Игнатова в первом, кажется, номере, где была указана моя фамилия как и. о. редактора. И ведь есть провидение! Утром откатал тираж – 1500 экземпляров, а ближе к обеду позвонил Игнатов:

– Ну, как там мои стихи?

– Готово, товарищ полковник!

В кабинете у Игнатова сидел незнакомый мне худой, лет пятидесяти полковник, с высоким лбом, роскошной русо-седой шевелюрой и профилем еще живого Николая Островского. Меня он приветствовал как коллегу и представился редактором газеты «Фрунзевец». Так я впервые увидел своего дорогого учителя и спасителя во многих суровых днях – полковника Стуловского Владислава Васильевича.

– Вот, Владислав, ты говорил, что мои стихи рано еще публиковать. А видишь, наша газета печатает. – Игнатов вздел очки.

– Ну, понимаешь, для окружной газеты они еще сыроваты, – добродушно сказал Стуловский.

Тут я увидел, как лицо начпо из медно-красного превращается в багрово-синее.

– Что это? – грозно-презрительно спросил Игнатов, отбрасывая газету. – Где мои стихи? Это не мои стихи!

Вепрь был взбешен, а я не настолько глуп, чтобы и дальше дразнить отца-политкомандира.

– Да это ошибочка вышла! Сейчас исправим. Контрольный экземпляр.

Кой хрен контрольный. Хорошо, еще тираж на почту не отдали да по ближним частям не разнесли. Десять килограммов бумаги псу под хвост.

Я, совсем не по-уставному, задом вымелся из кабинета. Через два часа Игнатов и Стуловский, уже изрядно подобревшие, рассматривали стихи в «основном» номере. Первый тираж, с моей правкой, я приказал пустить под нож, а потом отнести в ближайший сортир для использования по прямому назначению. Игнатов меня не ругал, он только буркнул что-то вроде: «Не своевольничай».

Было, как-то в запале он пару раз обозвал меня «мордой нерусской», но там я и сам был виноват. Ну не хотел отдавать в чужие руки набор слесарных инструментов и дрель. Так и загубили, сволочи! Инструменты в Афгане были дороги. Тем более что вокруг кипело строительство.

Как ни смешно это звучит сейчас, но на выжженном плато над малярийным Кундузом намечалось построить несколько пятиэтажек для проживания советских офицеров с семьями. Кстати, «куна», она же «квана», на дари и пушту означает – «жопа». Кундуз и был таким местом, хотя название у него, говорили, имело иные корни.

Так вот, нужно отдать должное Игнатову, он умел поднять людей на обустройство. И толк в строительном деле знал. Только благодаря ему к февралю 1982 года редакция из палатки сумела переселиться в новое, очень хорошее по афганским меркам здание.

А с остальными политотдельцами я в самом начале разошелся нормально. Не трогали друг друга, вот и все. Причиной разлада послужило дежурство по политотделу, которое было возложено и на редакцию. Я попытался восстать, доказывая, что со времен Семена Михайловича Буденного существует приказ, запрещающий использовать сотрудников редакции не по прямому назначению. Более того, нарком предписывал выделять из людей, способных к газетной работе, помощников, если в редакции не хватало людей по штату. Именно для «дивизионков»! И приказ этот был в силе.

– Мало ли что, – угрюмо сказал замначпо, личность какая-то стертая. – А кто Афган предусматривал?

И вновь включил редакцию в график дежурства.

Само дежурство представляло следующий акт. В шесть часов вечера дежурный, как правило младший офицер, садился за телефон в предбаннике у начпо и всю ночь по зыбкой, рвущейся поминутно связи обзванивал замполитов частей, уточнял выполнение планов мероприятий, передавал приказы, телефонограммы, принимал отчеты о выполнении социалистических обязательств. Утром все записи в журнале представлялись политаппарату, и бумажная мельница вертелась веселей. Избавиться от унижительных ночных бдений помог случай.

В Ташкургане я по рассказам комсомольского секретаря и беседам с солдатами собрал материал для очерка о боевой подготовке в горно-пустынной местности. Героем очерка был сержант Барабанов. Лицо реальное. Смелый, сильный и очень рассудительный парень. Потому и сам выжил, и людей не терял, будучи в должности заместителя командира взвода. Правды в том очерке было на три копейки. Рота шла по пятам за группой моджахедов, которые периодически прижимали ее огнем к земле. А у меня это был учебный бой. Условно раненый на самом деле умер от потери крови, потому что в ущелье, куда ускользали «духи», у них была парочка зенитных пулеметов. А я писал, что солдатские ботинки скользили по сухой траве на склонах...

Так вот, вырванный из процесса творчества приказом идти на дежурство, я всю ночь писал этот очерк. В каком-то упоении и адреналиновом предвкушении завтрашнего скандала. Быстро же я просчитал, что ничего в Афганистане с непокорным сделать нельзя. Или убить, собаку, или в Союз отослать. Но первое еще надо уметь, а второе – просто неосуществимо.

Утром замначпо протянул руку за журналом.

А я ему стопку листов.

– Что это?

– Это очерк о сержанте Барабанове.

– Как? А где планы выходного? Сводки из частей?

– Я их не принимал. Я журналист и буду заниматься своим делом.

– Ну, держись, старлей. Я сейчас Игнатову все доложу.

– Ваше право.

– Посмотрим, как «на ковре» запоешь...

Разборок я дожидаться не стал, быстренько смылся в редакцию, а оттуда в «спиртовой поход».

«Спиртовой поход»

Саперы со шупами «на два колена», худая облезлая овчарка, мост и развороченная взрывом цистерна. На саперах бронежилеты и пластиковые щитки, закрывающие лицо. Они якобы должны были предохранять от взрыва фугасов... Вот такой снимок. Сделал я его трясущимися от перепоя руками неподалеку от въезда в Кундуз. Было такое гиблое местечко на окраине – скотный двор. Дня не проходило без обстрелов, засад, подрывов техники на «духовских» минах. Я хорошо помню, как и в каком состоянии оказался в это утро в районе скотного двора.

Редакции и типографии положен спирт. Да, тот самый, этиловый. Предполагалось, что его нужно употреблять для протирки селеновых фотопластин многократного действия, на чистку оптики, контактов и т. д. В связи с особенностями жаркого сухого климата и высокой запыленностью норма увеличивалась вдвое и больше. В месяц получалось около литра. А если шесть месяцев не брать? Это же двенадцать литров водки. А поллитровка контрабандной стоила между тем 20 чеков, минимум шестьдесят рублей. О чеках и ценах еще поговорим. Это особая тема. А вот спирт резко понадобился Коле Бурбыге, поскольку пора было делать отвальную, то есть прощальный обед по поводу окончания службы в Афганистане.

Здесь необходимо пояснение. В 40-й армии к весне 1981 года наладилась система ротации офицерских кадров, именуемая «заменой». Прежде чем отпустить того или иного командира или политработника из Афгана в Союз, ему загодя подыскивали «сменщика» во внутренних округах, убеждали, что он не имеет партийных и иных грехов, обеспечивали по возможности жильем, каким ни есть, заставляли отгулять отпуск, а затем направляли в Афганистан. Новоиспеченный воин-офицер-интернационалист и прапорщик тоже принимал дела и должность, и только потом офицер, подлежащий замене, убывал в Союз.

Время замены – подлое время. Сколько ребят, прошедших через «огонь-воду-трубы-зубы» в Афгане, погибали именно в эти считанные дни замены по самому глупому поводу. Командиры частей попросту запрещали «заменщикам» выезжать за боевое охранение. Но пули и мины словно искали именно эту категорию. «Заменщик» – этим сказано все. Сиди в части и не дразни Судьбу.

Коля в этом смысле «заменщиком» вроде не был, но Афган покидал, а его должность прочили мне в качестве и. о. Редактор в армии – птица редкая. Не напасешься. Товар был штучный.

Вот Бурбыга мудро и по-доброму рассудил, что ехать за спиртом мне, поскольку ему и как убывающему не стоит, и как начальнику неудобно. А спирт – шесть литров – пополам. Три мне, три ему. Коля особо-то не пил, а спирт решил отдать поллитотдельцам вместо отвальной, поскольку денег на товарищеский обед не было, да и не хотелось этих натянутых застолий.

Я доложил редактору об инциденте на дежурстве, отдал в набор очерк о сержанте Барбанове и, спустившись к КПП, на попутном бронетранспортере уехал в Кундуз-Северный. Здесь, в пустыне, в двадцати километрах от Кундуза, стояли наш арtpолк, саперный батальон и моя цель – склады ГСМ, где хранился спирт. Все было рассчитано. В одиннадцать часов утра я был в Кундузе-Северном. В двенадцать опухший от перепоя прапорщик, расплескивая живую, парящую влагу на песок, заполнил мою аккуратную канистру, на которой была метка «6 лит.». На самом деле в нее влезало около семи литров. Раздули. В тринадцать часов, опять же на попутном «КамАЗе», я подъезжал к мосту перед Кундузом. И тут затрещало, загрохотало невесть откуда. Поперек дороги выкатилась БМП и начала методически сажать из своей пушчонки по окрестным холмам. Пришлось покинуть «КамАЗ» и залечь на обочине. Правда, мелькнула дурацкая мысль: если все так плохо, то почему не увести колонну с дороги? Да и в «КамАЗе» ящики не с помидорами явно. Чего-то на посту не домыслили либо замудрили. Постепенно стрельба начала удаляться в сторону Кундуза. По машинам, внимательно загля-

дывая в кузова, прошел рослый сержант-армянин. Потом, заметив меня, оставил досмотр и подошел с вопросом:

– Товарищ старший лейтенант? А вы что здесь делаете? Сегодня колонна через Кундуз не пойдет. Там на скотном дворе опять «духи» полезли.

– А что же делать? Я ведь не из Северного.

– А вы кто?

Через полчаса я был определен на ночлег в землянку к командиру взвода, охраняющего мост. Каша, полстакана водки, чай. Тут я «вспомнил», что у меня в канистре спирт, а хозяева – что у них утром афганский баран покончил жизнь самоубийством на минном поле. Пока тушилось мясо, «зарезали» пару банок с гречневой кашей из сухого пайка. Сначала я сам, а потом какой-то лейтенант-артиллерист отливала из канистры спирт в солдатскую фляжку, а развлекали, доливая воду в стаканы и кружки.

Снаружи что-то внушительно ухнуло. Потом застучал крупнокалиберный пулемет, затрещал автомат. Я было потянулся к своему «АКМ», но командир взвода положил мне на плечо тяжелую смуглую руку:

– Там без нас разберутся. Давай лучше за детей. У меня в Союзе двое. Близнецы.

В конце землянки было видно, как по небу гуляют красные точки трассирующих пуль. Кто-то приходил, уходил, наливал, закусывал, чему-то смеялись. В углу у радиостанции сыпал в эфир цифрами сержант. А в целом было на все наплевать. Заснул я на той же кровати, на которой и сидел за столом...

Утро было мерзким. Во рту привкус «голимого» спирта. В членах – дрожь. О том, что и сколько осталось в канистре, лучше было не думать.

Дорога на Кундуз была свободна. Правда, вчера вечером, пока мы «уговаривали» спирт, за мостом, ближе к Кундузу, подорвался и сгорел бензовоз. Водитель и прапорщик погибли. Но саперы уже проверили дорогу. Чисто.

В редакции я всем сердцем оценил сожалеющий взгляд Бурбыги. В канистре оставалось чуть более трех литров спирта. Вот это «чуть более» и досталось мне по праву экспедитора. Остальное в трехлитровой банке редактор отнес в политотдел. А я, выхлебав чайник жиденького чая, свалился на койку. И еще сутки во мне гулял этот чертов спирт. В Афгане похмелье – тяжелая штука! Ах, как хотелось там иногда просто холодной чистой газировки, минералки какой... Но для этого нужны были деньги. Афгани – «афошки» или чеки Внешпосылторга. А вот этого попросту не было.

Так завершился «спиртовый поход».

Земляк Стас

В кадре на внушительной ладони – большая, ребристая, «ненашенская» граната. Еще кадр – на корпусе «бомбы» видны буквы «ТХТ» и отверстие для ввода саперного запала. Таких гранат, с двумя дырками в корпусе, видеть мне еще не приходилось. Ладонь принадлежит старшему лейтенанту Станиславу Марзоеву – для меня на всю жизнь Стасу.

Полковник Марзоев Станислав Васильевич погиб 3 сентября 2002 года в Чечне. Вертолет, в котором он находился, был сбит чеченскими боевиками над Ханкалой. Но этот черный день наступит через двадцать один год. А пока Стас просит сфотографировать эту редкую, скорее всего итальянскую, гранату, а заодно и сделать несколько снимков с Бурбыгой, поскольку тот уже готов к убиению в Союз. Когда еще свидимся!

Стас – земляк, осетин. А это много значит. Я тут же прикидываю, что лучшего Вергилия и покровителя на операциях десантников мне не сыскать.

Марзоев с юмором рассказывает мне, как он, откомандированный из Союза в 201-ю дивизию, оказался замполитом батальона 56-й ДШБ (десантно-штурмовой бригады), дислоцированной в Кундузе и его окрестностях.

По прилете в Кундуз, оглядевшись в аэропорту, он увидел офицера с десантными эмблемами. И хоть после окончания Новосибирского высшего военно-политического училища Стас был определен и успел послужить в мотострелках, но именно это, уникальное в своем роде и по сей день, училище готовило замполитов для воздушно-десантных войск. А тут еще на груди Стаса десантник приметил значок с подвеской «100». И предложил сразу идти не к мотострелкам, а в ДШБ. А там был вакант. И вроде номера полевой почты на предписании не заметил кадровик. И стал старший лейтенант Станислав Марзоев служить в десантуре. Пока он осваивал в рейдах окрестности Кундуза, Шахравана и Ходжагара, в 201-й дивизии его зачислили в дезертиры. Было известно, что из Кабула старший лейтенант вылетел в установленный срок с предписанием в 201-ю МСД. А вот куда потом десантировался? Недоразумение грозило обернуться большими неприятностями.

Но Стас успел показать себя и толковым политработником, и смелым, опытным офицером. И так, в штабе мотострелков его числили в дезертирах, а командование десантной бригады за успешно проведенную реализацию разведданных представило к медали «За отвагу». В этом кадровом споре десант победил.

Атлетически сложенный, подвижный, выносливый, Стас прекрасно владел всеми видами стрелкового оружия. Обладавал живым умом, независимостью суждений. Он запомнился каждому, кто встречался с ним хотя бы раз. Не курил, категорически отказывался от алкоголя. А вот редкий на кундузском плато женский пол прилипал к нему намертво. Когда я через несколько лет увидел первые фильмы с Ван Даммом, то поразился немалоу их сходству.

А вот этот кусочек пленки не мой. Это мне оставил Стас. На негативах – маленький каменный дворик, забитый штабелями сухих лепешек. Хлебные запасы афганских партизан, какой-то афганский сарбоз, худой и кривоносый, держит на руках стопку тонких, окаменевших афганских лепешек. Свежие они были вкуснее нашего армейского хлеба.

На 200 голов крс

Перед отъездом Бурбыги в Академию начальник политотдела поставил задачу начать строительство редакции. Хватит, мол, в палатках жить! А нам эта задача – ножом по сердцу. Первое – это сулило близость политотдела и штаба. Второе – мы понимали, что вслед за запахом начальника ничего не последует: стройматериалов на редакцию никто не отпускал, в генплане военного городка она не значилась. Следовательно, все будем доставать сами, погружаясь в болото «хозспособа». Есть такой метод строительства в армии. Он, этот «хозспособ», был и остается смертным трудом для одних и неистощимой кормушкой для других. Бесправно пашут солдаты, оторванные от боевой подготовки, младшие офицеры, разворовывается материал, а тыловики потирают руки вместе с командованием: как-никак, а строится! За это даже ордена дают! А уж списать и продать можно сколько!

– Саня, ты строил когда-нибудь? – обреченно спросил Бурбыга.

– Да, имею право на строительство типового коровника на 200 голов. В институте экзамен сдавал.

– Ну, набросай что-нибудь. Игнатов требует план.

Не знаю, как объяснить самоуверенность и готовность идти на неизведанное у младших советских офицеров той поры, но это было. И лежало в основе многих явлений в армии. Вот и здесь. Я ведь прямой линии провести толком не мог. Но с каким-то гибельным вдохновением, как «у бездны на краю», стал работать.

Разумеется, я вычертил план коровника. Два больших зала: ручной набор и верстка. К ним с торца примыкала кладовая начальника типографии. Двухстворчатые ворота, в которых предусматривалась врезная дверь, вели в коридорчик, где вместо служебных помещений для доярок и зав. МТФ должны были располагаться (каждый в своем стойлице!) сотрудники редакции. Большой двор, двухскатная крыша и плавно спадающий навес на западной стороне. Это я видел в проектах Корбюзье. Не лыком шиты. Потом этот навес спасал нас от испепеляющего солнца. Край навеса поддерживался столбиками. Соорудил пояснительную записку, подобие сметы. Отдал редактору.

– Молодец, Саня!

Бурбыга, не глядя в паутину линий и крестиков, понес проект в политотдел.

Игнатов все одобрил и внес одну лишь поправку: во дворе строить душевую. По сути дела, это означало: стройте баню. Я ее построил вместе с солдатами и для солдат. И еще для своих друзей-разведчиков. Политотделу в ней бывало неудобно. То холодная, то воды нет, то угар. А вот боевые ребята нарадоваться не могли. До 120 по Цельсию в ней держалось стойко. Годилась она и под русский пар. Правда, веник в Афгане был редкий зверь, не считая эвкалиптовых. Они всем были хороши, но уж больно жесткие и быстро сохнут.

...Вот он, этот торжественный день – Бурбыга стоит, как Петр Великий, за ним солдат, не из наших, какой-то зенитчик, помнится, забивает обухом топора первый колышек разметки.

И понеслось! Игнатов не отходил от будущего храма печати. По ходу дела он увеличил линейные размеры раза в полтора, а когда я попробовал возразить, что стены из кирпича-сырца не выдержат нагрузки поперечных балок, да не найдем мы перекрытий такой длины, он грозно зыркнул.

Удачливей всех оказался ответственный секретарь. Ему было предписано заниматься газетой.

Кирпич-сырец возили из Кундуза. Бетон поставляли свои, военные строители. Ритмичность подачи бетона для фундамента я наладил просто: каждому водителю давал две пачки сигарет и одну фотопленку. Старший лейтенант из военных строителей, который надзирал за соблюдением технических условий, был обласкан бутылкой спирта, фотобумагой и реакти-

вами. Бетон вместо полковых столовых и бань плюхался в траншеи будущей редакции и типографии. Военный строитель что-то все время помечал в книжке. Оказывается, УИР (Управление инженерных работ) не только считало количество бетона, но включало в свой состав стоимость всех работ. Вот вам «хозспособ». А между тем трудились солдаты, откомандированные из частей.

Ударным трудом фундамент был заложен и... работы свернуты. Во-первых, кирпича было ничтожно мало, во-вторых, у Игнатова появилось новое детище – гигантская, по нашим меркам, коробка Дома офицеров. Старый, размещенный в палатке, этакий цирк шапито, сгорел в декабре 1980 года вместе с библиотекой и музеем. К тому же уехал Бурбыга, и вновь нужно было заниматься газетой.

К началу мая я получил вызов для сдачи экзаменов экстерном в Свердловское высшее военно-политическое училище. А это три месяца жизни в Союзе.

– Рамазанов, а кто будет газету делать? – спросил Игнатов, сломав в мощных коричневых пальцах карандаш. – Ты мне это брось. Я тебя редактором и так сделаю. Иди работай!

Я написал рапорт об отказе от учебы.

Игнатов свое слово сдержал.

Надо же, сколько всякой дребедени было написано про Афганистан уже к весне 1981-го. Чтобы хоть что-то понять, приходилось по листочкам собирать сведения. Смотреть. Слушать. И самому делать выводы. Глупо было рисковать жизнью в стране, о которой знаешь только, что она первой признала Советскую Россию. А вот она вокруг, и ты в ней, и... все «перепуталось». А насчет «сладко холодея» я еще расскажу – это про то, как совершенно обреченно и даже с каким-то болезненным интересом ждешь, из-за какого угла или куста е...нут или на каком километре «броник» наедет на хитроумный крестьянский фугас, усиленный парочкой траков.

Итак, в многочисленных брошюрах не было ни слова о том, зачем мы в Афгане, кроме как для выполнения интернационального долга. (Размер не указывался.) На политзанятиях личному составу талдычили про басмачей (!), банды, вооруженную оппозицию. Лидеров оппозиции (это уже для офицеров) обвиняли во всех смертных грехах. В социалистические обязательства частей входили пункты типа «уничтожить басмаческое движение в зоне ответственности к исходу учебного периода», конкретные обязательства по убиению душманов. Вот тут был один лингвистический нюанс: «душман» на фарси – «враг». Просто – враг. Афганцы слова «басмач» не употребляли даже в крайних случаях. «Душманони инкилоби саур» – враги Апрельской революции. То есть мы должны были воевать со всеми врагами этой революции. А их было много. Старый узбек, дехканин, как-то спросил меня: «Захир-шах был, вы говорили – «хорошо». Дауд стал – вы говорили «хорошо», Тараки – «хорошо», Амин – «хорошо». Теперь Бабрак – «хорошо». А что было раньше плохо? Где плохо, где хорошо? А нам какая разница? Мы у дороги живем».

У дороги – это раньше было «хорошо». А когда мы вошли, то все дома вдоль дороги разметали в груды камня и глины. (Картину такую, один к одному, я увидел через двадцать лет в Чечне.)

Нет, конечно, нам объяснили, что в НДПА есть фракции «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Что «Хальк» поддерживается средним слоем – младшими офицерами, ремесленниками, сельской интеллигенцией. А «Парчам» – городскими жителями.

Вот снимки, сделанные мною на главной улице Кундуза. На белых заборчиках видны покрашенные лозунги. Это аминовские агитки. Для пропаганды Кармаля Бабрака мы избрали любимый кумач.

Исторические исследования по Афганистану читать было интересно. Они, как правило, начинались чуть ли не со времен Зюлькарнайна – Искандера Двурогого (Македонского), и по всему выходило, что Афганистаном до XVIII века и не пахло в его существующих пределах.

Просто – задворки Индии и Средней Азии. А вот потом начиналось сплошное вранье – марксистско-ленинская историческая наука.

Правда, была одна книга. Мне на ночь дал ее капитан-очкарик из ташкентских спецпропагандистов. Она чудно называлась – «Авган». Так я познакомился с гениальными записками офицера Генерального штаба (царского, разумеется) А. Снесарева. И поскольку нам все равно еще доведется влезть в Афганистан, то рекомендую эту книгу каждому будущему офицеру прочитать. А влезем, этак лет через 15—20, обязательно. И, как всегда, неудачно. Таков Афганистан. И мы такие...

Афганские лидеры районного масштаба очень любили проводить митинги в окрестных селах под нашей охраной. Проходило это действо так.

Бапо: действующие лица

Худощавый, среднего роста подполковник обнимает на снимке седобородого восточного мужика, переkreщенного пулеметной лентой. За плечами у «бобо» – узбекского афганского «дедушки» – торчит ствол трехлинейки. (Никакой он не дедушка!) Лет сорок мужику, просто борода старит лет на двадцать. Вообще среди афганцев было мало пожилых мужчин. Где тут выжить?! Революции (читай, дворцовые перевороты) как собаки друг на друга лезут! А снимок – это «яркий символ советско-афганской дружбы». С дружбой, надо сказать, всегда было хреновато. Афганцы, как истинно восточные люди, признавали только силу, жестокую и беспощадную, и деньги немереные. В этом они были гармоничны и цельны. И только в этом.

А вот еще: к бронетранспортеру тянутся десятки рук, и солдат-узбек, стоящий на броне, раздаёт галоши. Обычные полузабытые в городах нашей страны развитого социализма галоши.

А вот афганский оркестр: армунья-гармонь, ее растягивают в горизонтальном положении и играют без басовой планки, дутар – род восточной гитары, бубен. Оркестранты в военной форме Народной армии Афганистана.

Обычно заместитель начальника политотдела по второму штату – подполковник Русаков – получал известие от афганских активистов, что пора уже в каком-нибудь населенном пункте рядом с Кундузом провести митинг советско-афганской дружбы.

Русаков немедля (я сумею проследить судьбу этого мужественного человека вплоть до бакинских событий) собирал БАПО – боевой агитационно-пропагандистский отряд.

О БАПО следует сказать особо. В начале 80-х годов в Афганистане в наших дивизиях они были нештатными и очень опасными для окружающих.

Собственно «интеллектуальная», агитационная часть отряда состояла из звуковещательной станции – огромных динамиков, укрепленных на БРДМ (боевой разведывательно-дозорной машине) или на бронетранспортере. Этот «музыкальный центр» орал и бубнил на расстоянии до пяти километров при попутном ветре. В отряд входили переводчик, как правило, лейтенант, призванный на два года, выдернутый из аудиторий восточного факультета Ташкентского университета, врач, медсестра, ансамбль песни и пляски – два-три узбека или таджика из солдат, умеющих играть на национальных инструментах, пропагандист. Боевая часть отряда (не забывайте – БАПО!) состояла из мотострелковой роты в полном вооружении.

Иногда эта «культурная группа» усиливалась парочкой танков. А в те дни, о которых пишу, всегда с нами был старший лейтенант Михаил Новиков, командир танкового взвода.

Гуманитарная помощь, а это был самый волнующий момент митинга, состояла из муки, сахара, ширпотребовской обуви, школьных принадлежностей, игрушек и т. д.

Мы быстро поняли, что «помощь» следует распределять самим. Если поручить это провинциальным активистам, то до народа, а точнее, до отрядов самообороны, вчерашних банд, заключивших мирные договоры с нами и новой властью, ничего не дойдет. Впрочем, и так нашей «помощью» торговали потом в местных лавочках – «дуканах».

Разведчикам, входящим в состав отряда, вменялась попутная разведка местности, подсчет оружия в местных отрядах.

Поехали!

Конец апреля. Погода райская.

Обстановка нормальная. На северной окраине Кундуза раздолбали очередное бандформирование вместе с кишлаком. На Ханабад – уездный центр в двадцати километрах к востоку от Кундуза – сбросили сотню авиационных 250-килограммовых фугасных авиационных бомб. Пора провести митинг в Чардаре. Севернее Кундуза, поближе к советской границе.

Утром выехали в Кундуз и железной рекой (шестнадцать единиц бронетехники) залили небольшую уютную улицу, где расположился партийный комитет НДПА (Народно-демократи-

ческой партии Афганистана). Чертыхаясь, ждали афганских товарищей. Они не торопились, намекая на то, что в Чардаре не все спокойно и возможны провокации.

Во дворе гостиницы, где и находился партийный комитет, иногда появлялись заспанные бородатые мужики явно рязанского вида. Они посматривали на нас, но близко не подходили. Это были советские «спецы» (т. е. которые из спецслужб, не путайте с экскаваторщиками и геологами), работавшие с афганцами. Окна нижнего этажа были заложены бумажными мешками с песком и тюками с хлопком-сырцом.

Наконец прибыл взвод афганской милиции – «царандоя». Одеты хорошо, добротные ботинки, чистенькое обмундирование. Мы – банда оборванцев по сравнению с ними. Нехудые ребята. Вооружены автоматами Калашникова. Один толстомордый смазливый «царандоевец» (на вид суший «бачабоз» – мальчик для плотских утех) привлек внимание наших разведчиков.

– Ишь ты, какую шайбу наел!

– Я не шайба, – с легким акцентом неожиданно сказал афганец.

– Да мы не о тебе, шайба – это хоккей, спорт...

– Не надо! Шайба, ряха, пачка, морда! Да?

Разведчики были сконфужены донельзя. Вот так прокололись! А знаток русского языка еще и «успокоил»:

– Я все понимаю. Я Казанское училище химзащиты закончил. Пожарником был здесь главным... при Тараки. При Амине посадили. Теперь взводом командую.

А вот в чем суть задержки! Прибыли заложники из Чардары. Пока мы будем там говорить, лечить, одаривать – они, во избежание всяких глупостей, будут пить чай в партийном комитете под надежной охраной.

Я сделал несколько кадров, стоя на башне бронетранспортера. Попали в объектив – БМП с живописно развалившимися на броне разведчиками, «ЗИЛ-131» с гуманитарной помощью и яростно о чем-то спорящие подполковник Русаков и майор Саночкин. Последний отвечал за всю боевую часть. Жаль, что никогда более не видел этого лобастого, упрямого и храброго человека. Позже я знал: если в колонне Саночкин – заместитель командира 149-го полка, то все пройдет нормально. Он был для меня образцом профессионального военного. У таких людей не грех учиться.

Водитель постучал по моему ботинку, показывая, что нужно проверить связь. Я подключился. Все хорошо, все слышно. Доложил о готовности к движению.

– Всем идти в режиме молчания. Кого нужно, сам вызову, – раздался в шлемофоне голос Саночкина. – «Игла», «Крот» – начать движение.

«Игла» и «Крот» – разведдозор и саперы. Место, куда предстояло прибыть на митинг советско-афганской дружбы – Чардара, – славилось хорошими подрывниками. А впрочем, что сложного ночью закопать фугас-другой в слой лесса или суглинка, размолоченного в пыль нашей броней?

Не проехали и десяти метров, как водила ударил по тормозам. Это бывало. В начале движения колонны, подобные нашей, сборные, всегда ведут себя как параличные. Видно, впереди, при выезде на главную улицу Кундуза, она же шоссе, создалась пробка. Вылез на броню. Вокруг, пробиваясь через шлемофон, стоял хохот. Под БМП разведчиков, отъехавших на десять метров от ворот провинциального комитета, оказалась внушительная куча дерьма. Сначала я смеялся со всеми, потом попытался сообразить, как можно залезть под БМП и справить нужду. Там же и сорока сантиметров нет под днищем! Стало еще смешнее. Мое недоумение рассеял водитель.

– У них там лючок есть.

Я заметил, что стоящий у ворот комитета холеный афганец возмущенно что-то объяснял одному из «наших бородачей» – очевидно, партийному советнику небольшого ранга или пере-

водчику. Тот было двинулся к разведчикам, но колонна вновь дернулась на выход. Афганские товарищи пристроились сзади. В колонну их Саночкин не пустил.

А вот и обрывок кадра. Мишка Новиков с бойцом тащит на дувал (глиняный забор) пулемет «Утес». Нас встретили огнем уже на окраине Кундуза.

Мы съехали себе мирно с шоссе, прошли метров двести по грунтовке. Дорога шла по оврагу. И опять резкое торможение. Впереди пальба. Что там – не видно. Часть машин ушла за поворот. Сзади пальба. Так эти машины еще на окраине города. Над головой посвистывает. Впереди ухнули пушки БМП. В эфире полная тишина. Все радиостанции в овраге «сдохли». Я слез с брони, подошел к Русакову.

– Что-то застряли мы?

– Да ладно, разберутся. Мы вот тут нехорошо стоим. Вроде как в траншее.

Слава богу! К этому времени, посмотрев на бывалых людей, я понял и принял безоговорочно одно: в бою, при обстреле, вообще в боевой ситуации, когда «гремит и грохочет кругом», – нельзя суетиться! А хочется! Что-то хочется делать. Куда-то двигаться. Опять же, оружие есть... Но давите в себе это чувство «деятельности», оно – плохо замаскированный страх. Причем вы и не подозреваете, что это – страх. И тогда лучшее – залечь, осмотреться, если уж очень круто «каша» заваривается, или закурить с человеком, который все это уже проходил и спокоен, как мамонт. А поскольку Русаков не курил, то я протянул пачку «Ростов-Дона» разведчику, стоящему рядом. Эти сигареты выдавали на офицерский паек. Гадостные, горькие и заплесневелые. «Донские», из махорки, за 4 коп., которые получали солдаты, были куда вкуснее.

Между тем с окраины города, из комендатуры, «заговорил» крупнокалиберный пулемет, а через несколько секунд на гребне оврага взметнулся султанчик разрыва.

– Плохо, – сказал Русаков, – своими же минами накроют.

Тут я краем глаза увидел, что с танка, стоящего через две машины от нас, экипаж снимает пулемет. Русаков было начал махать им, чтобы не высывались, но где там! Через пару минут командир танкового взвода лейтенант Мишка Новиков, худой, рыжий и вихрастый, уже возносил с бойцами свое оружие на гребень оврага. А потом, пристроив его к полуразрушенному дувалу, повел самолично огонь короткими очередями. Вот это был сюжет!

Но что самое главное: Мишка вел огонь в направлении нашей комендатуры, небольшой крепости на окраине Кундуза! Русаков тихо матерился. Примеру Новикова последовали застоявшиеся разведчики, и... началось! Как ни странно, огненная вакханалия помогла. Сначала умолк КПВТ «комендачей». Потом стало тихо в замыкании. А ко всему в нашем «ущелье» появился Саночкин. Он шел от головы колонны, суля ордена «святого Ебукентия» всем «экстремистам». Я предусмотрительно нырнул в броню и нахлобучил шлемофон. А Новиков спустился с гребня героем. На щеке лейтенанта пламенела длинная ссадина. Потом Мишка признался, что его задело выброшенной гильзой или камнем. От вражеской пули или осколка он отказался. Вообще был честный и сильный парень.

Года три спустя, находясь в командировке в Афганистане уже в должности корреспондента окружной газеты «Фрунзевец», я увидел в Пули-Хумри Мишкин портрет. Изрядно выцветший под афганским солнцем, красовался на Аллее Героев. Новиков был изображен на большом железном листе, при всех наградах (два боевых ордена и медаль «За отвагу»). Сходство – потрясающее. А краски, как я узнал, были обычные, малярные, но они верно послужили делу военно-социалистического реализма в области батальной живописи. Мишка такой и в жизни был – запыленный, облупившийся под солнцем, поскольку рыжим тяжело загореть. Позже, встретив Михаила в Термезе, в танковом полку (недалеко отъехал он от Афгана), я рассказал ему о неувядающей славе. Мишка отмахнулся: у него, заместителя комбата, хва-

тало иных воспоминаний. Впрочем, тот вечер мы провели очень славно! Но продолжу о рейде БАПО.

На железной солдатской койке сидят трое бородатых мужиков с автоматами «ППШ», в объектив заглядывают чумазные детишки, толпа худых черных людей тянет руки к галошам и кускам хозяйственного мыла, солдат, увешанный оружием не хуже Рембо, о котором тогда не знали, оседлал невзрачного ослика.

Итак, колонна БАПО остановилась на въезде в кишлак. Бронетранспортеры разогнали по всем направлениям для создания обороны. Грузовик с гуманитарной помощью поставили в центре. Меж двух кривых чинар натянули кумачовый лозунг с арабской вязью.

Экипаж звуковещательной станции «на полную катушку» врубил узбекскую музыку, перемежая фольклор с записями «Чингисхана». Походный клуб растянул брезентовую шахту. О клубе-кинопередвижке скажем особо. Как нести в массы «важнейшее из искусств» – кино? Клубов в кишлаках нет, электричества нет. Да и ночью по Афгану не разгуляешься. И придумали. Стекланный матовый экран был помещен в черный парусиновый рукав, а проекция шла с обратной стороны, из аппаратной машины. Фильм был у нас один, переведенный на язык дари, – «Пираты XX века». Афганцы смотрели его с неменьшим удовольствием, чем индийские фильмы. Правда, часто с издевкой спрашивали, намекая на один из начальных эпизодов фильма: «А что, «щурави» (советские) «эпиум» (опиум) пароходами возят?» Это был еще тот вопрос. В самом Афгане гашиша и опиума-сырца было как грязи! Про героин говорили меньше, но от этого его не убывало.

В памяти всплывают картинки митинга «советско-афганской дружбы» в Чардаре. Вот Русаков через переводчика, чертовски красивого, по восточным меркам, бухарского еврея Алика, убеждает афганского «партайгеноссе» говорить на митинге короче. Непустой совет: партафганцы молотили по часу на жаре, вызывая суровую ненависть и у рядовых соотечественников, и у наших солдат, скучающих в жидкой тени чинар.

О чем говорили? Схема простая: СССР – друг, Америка, Иран, Пакистан – враг, Брежнев – хорошо, Амин – плохо, Бабрак – хорошо, социализм – хорошо, капитализм – бяка. По древним традициям, когда в речи упоминались имена лидеров, было положено хлопать в ладоши.

Бабрак Кармаль – аплодисменты.

Ленин – аплодисменты.

Брежнев – овация.

И так до рвоты.

Перед митингом всем раздавали книжечки с портретами вышеназванных революционеров. Бумага – верже, глянец, полиграфия по тем временам – высший класс. Издательство АПН. Вооруженные крестьяне (крестьяне ли?) и их многочисленные отпрыски эти книжечки брали не очень охотно. Читать ведь не умели толком. Да еще такую заумь. А для иных целей эта бумага не годилась. Во-первых, жестковата, во-вторых, задницу на Востоке бумагой не подтирают... Афган, кстати, многих наших научил подмываться на всю оставшуюся жизнь... «Кресты в России смотрят на Восток».

А вот у «таблетки» – зеленого медицинского «рафика» – идет прием больных. Тут главный – доктор Толя. О нем еще много предстоит рассказать. А пока достаточно того, что Толя, во-первых, кожвенеролог (дерматолог), во-вторых, не дурак выпить. Из медсанбата в наши походы отпускают только его. Ну, верно, откуда в Афгане массовый триппер? Девочек-то мало-вато для офицеров, а уж солдату... А от чесотки на месте лечили – не смертельно. Кстати, о девочках: с Толиком две медсестры. Пухленькие, ничего себе, но не подступиться. Разведчиками заласканные, задаренные. Ладно. Сестричек берут для того, чтобы они оказывали помощь афганским женщинам. Делалось это так. В кибитке вешали одеяло, и сестра осматривала пациентку. Та за ширмой жаловалась на свои недуги, а переводчик толковал медсестре. Рядом

находился еще и охранник, наш, разумеется, и обязательно муж «освобожденной женщины Востока».

Толик не был циником. Он был советским военным врачом. От всех болезней он давал афганцам горстями аспирин и таблетки от кашля. А все остальное мазал «зеленкой».

Но вот медсестрам захотелось пописать. Куда идти? В кишлак нельзя. Да и уборных у афганцев в сельской местности не было. Вокруг ни кустика.

Девочки было поплелись к овражку, но афганцы замотали головами: «Нис, нис» – нельзя. Мины. Показали, куда лучше идти. А глаза у сволочей горят при виде «ханум-шурави». Еще бы, кровь горячая! Как только отошли девчонки, на бугорке блеснул зайчик. А, вот оно что! У нас внутреннее кольцо охраны, а у них свои посты вокруг. Разведчики тут же выдвинулись за девчонками. Не дай бог, утащат. Позору на всю жизнь! Ну, где-то посередине вопрос решили, все было пристойно.

Тем временем лились речи, музыка. Потом при общем порыве и мелких стычках афганцы расхватывали гуманитарную помощь. Дело к обеду, пора возвращаться на базу.

В мой бронетранспортер подсадили замотанного по самые глаза человека. Никто не должен видеть его лица. В какой-то из дней в ближайшем кишлаке, сидя в броне, он будет показывать нашим «спецам» скрытых врагов революции во время очередного митинга. Я с удовольствием приказал водителю обыскать «иуду». Тот порылся в складках голубых шаровар (шальвари камис) и вытащил кривую черную палочку гашиша. Вопросительно посмотрел. Я равнодушно отвел взгляд. Не у этого конфискует, так у бачат (детишек) возьмет. Я уже знал, что большинство наших солдат, принимающих участие в боевых действиях, курит афганскую неслабую травку.

Когда тронулись в обратный путь, за моим «броником» побежал замухрышный самооборонец, что-то лопоча. «Просит взять с собой до партийного комитета», – сказал переводчик. Взяли на свою голову. Когда высадили в Кундузе, офицер афганской милиции – «царандоя» – тут же у входа в комитет набил морду нашему попутчику. Выяснилось, что тот был послан за патронами. «А где те, что им недавно давали?» – возмущенно спросил афганский мент. В самом кишлаке афганские офицеры вели себя смирно. Без нас им бы кишки выпустили. Да они одни в «глубинку» и не ездили. Разве что помародерствовать под нашей защитой, но никак не с миром.

Винт и крыло

Вот солидный моток странной на вид пленки. Тонкая, с палевым отсветом, без перфорации. Она использовалась для приборов объективного контроля на вертолетах. «ФЭД» протаскивал по три метра – основа тонкая, лавсановая. Прочность – повеситься можно. А главное – мягкая, мелкозернистая. На пленке молодые художавые летчики. По одному, в бортовых шлемах и без, группами, экипажами, у «двадцатьчетверок», с автоматами и стаканами в руках. А вот и совсем загадочный кадр. Дощатая, из снарядных ящиков, стенка. На фоне этом – внушительный половой член. Я еще в Кундузе ломал голову, откуда это «безобразие»? Мистика! Лишь через неделю поисков, когда этот кадр стал ходячим анекдотом, замполит отдельной вертолетной эскадрильи Юра Кислица признался:

– Саня, помнишь, после вылета в душевую заходили? Ты пока купался, аппарат в раздевалке лежал. А я тут просто нажал на спуск, как раз рядом командир был.

С летчиками я сошелся быстро. Но тут были свои нюансы. Мы фактически жили на их территории. Вода, свет, охрана, баня – все в их руках. Да и в техническом отношении: у них станки, инструменты в технико-эксплуатационной части. А в типографии – ноль. И я форсировал знакомство. Просто пошел в подвал кундузского аэропорта, где жили экипажи, нашел замполита, того самого Кислицу, и сказал, что могу отснять боевую работу и вообще стать летописцем эскадрильи. Начал с того, что послал в окружную газету фотографию одного из летчиков и заметку о том, как на «учениях серебристая капля бомбы стремительно уходит к цели». Заметку обмыли, меня приняли как своего, подарили книгу «Винт и крыло» и стали без всяких помех брать на боевую работу.

Что бы я дальше ни писал, какие бы перипетии с вертолетчиками ни возникали, а их было немало, скажу главное: это, в массе своей, были умные, крепкие, мужественные и благородные люди. Афган заложил во мне безоговорочное уважение к военным летчикам.

Вот огромный, как матерый медведь, штурман эскадрильи. Я не помню его имени. Он сгорел в сбитом вертолете. Его зажал в кабине, и он просил спасшихся застрелить его. У ребят не поднялась рука. До последнего, пока были силы, они пытались вытащить товарища из горящей кабины. Но быстро горят вертолеты. И на земле остается только след, сверху похожий на гигантскую ракетку с крестообразной ручкой. До сизого пепла горит металл...

Все это будет потом, к осени 81-го, когда наберут силу отряды Ахмад-шаха, Гаюра, Хекматияра. А пока тихо. Дивизия теряет в неделю по 10—15 человек на подрывах, в перестрелках, в боевом охранении, на дорогах. Не все смерти – в бою. Но все – в Афгане. И запыхтела фабрика лжи во имя. Как бы, где бы ни погиб солдат и офицер – домой писали о бое, о душеманах, о героизме и мужестве. Но ведь если не преступник, человек на войне уже герой. Перед лицом тех, кто вне кровавой карусели.

Вы еще успеете стать героем... Когда в этом будут нуждаться.

В технико-эксплуатационной части (ТЭЧ) служили два замечательных прапорщика. Во-первых – немцы, во-вторых, родные братья, в-третьих, со всех сторон отличные мужики. Оба рыжие, в теле, с огромными кулаками, тоже поросшими золотистым пухом.

Старший – старшина ТЭЧ. У него все играло и плясало. Солдаты чистые, сытые, территория сверкает. Ну не сидел мужик без дела. Нам помог и бельишком, и банный день определил для наших солдат. А это – великое дело. Дивизию на постах и в опорных пунктах жрала бельевая вошь, да и головная тоже. Слава богу, без сыпняка до времени. Просто сыпняк не успевал за «брюшняком», гепатитом и малярией.

Второй немец был техником. У него чтобы гайка или кусочек контровки на площадке валялся – ни-ни. Как-то при сдаче инструмента пропали плоскогубцы. А надо сказать, в инструментальных ящиках была такая особенность: они опрыскивались аэрозольной краской,

и на дне оставался след инструмента. Где «плоские»? В каком вертолете, в каком узле забыли? И корячилась ТЭЧ до ночи. Нашли. В хвостовой балке забыл солдат инструмент. Немец-младший только кулаки сжал да зубами заскрипел. А ведь имел право и на большее. Солдата перевели в хозвзвод.

Как-то в палатку зашел старший немец. Достал бутылку водки.

– Товарищ старший лейтенант, вы как?

– Как все, – я достал стаканы.

Выпили. Поговорили за жизнь. Немцы были родом из Чирчика. Родителей выслали из Поволжья в тридцатых годах в Казахстан. Чиниться мне с таким мужиком не хотелось. Он и так на людях был вежлив, честь при встрече отдавал по уставу.

Мы перешли на «ты».

– Саня, помоги, тут одно дело такое.

То, что у немца была водка, я знал. И водка была нужна всем. И всегда. В Афгане офицеры пили больше, чем в Союзе. При том, что поллитровка стоила 20 чеков (около 60 рублей по союзным меркам. А в Союзе, напомним, 5—6 рублей). Зато у немца всегда в критическую минуту можно было одолжиться.

А дело было простое. В эскадрилье решили устроить внезапный шмон. Разумеется, особисты. Разумеется, на предмет водки, трофейного оружия, товаров, купленных у афганцев. Все это потом уплывало в «дальние края». Но о самом внезапном в армии знают всегда за сутки минимум. И немец, с моего согласия, сгрузил под мою кровать пару мешков с бутылками. Меня, естественно, сдали, но до крутой разборки дело не дошло по причине сообразительности одного из моих солдат по фамилии Лавриньков (не забыть бы его «фокусы» с моим пистолетом).

Так вот, когда по жалобе «куратора» летчиков ко мне с обыском и смехуечками явился какой-то политотдельский старлей, пока мы выясняли отношения, с чего начинать досмотр: с сейфа или с жилой части, в палатку зашел с ведром и тряпкой рядовой Лавриньков. Увалень, большой любитель поспать, здоровый, как сарай. Короче, «лицо рязанской национальности». У него были замечательно большие кисти рук. Лапы, а не кисти. А еще где-то в глубине глаз, спрятанных за мохнатыми белесыми бровями и ресницами, такая хитреца пряталась, что ой-ой!

Лавриньков как-то особенно тупо посмотрел на нас и равнодушно доложил:

– Я, это... помыть. Одилджон приказал. С хлоркой.

Я кивнул. Солдат ушел за перегородку.

Открыли сейф. «Посланец» долго вертел в руках афганский нож, я выменял его в Чардаре на две банки сгущенки у самооборонца. Но все остальное в сейфе было в норме.

Речь о водке не шла. И разборка я не боялся. Просто было жалко отдавать чужое и нужное. Заберут ведь. Лавриньков за перегородкой хлюпал тряпкой, сопел. А потом, как-то сильно загремев ведром, вышел.

Так вот, когда «посланец» заглянул под мою кровать, то там ничего не обнаружил. Мне стало смешно до истерики. Я сам нагнулся. Мокрые, грязные доски, белые комочки хлорки, старые носки. И все.

Политотдельский смущенно объяснил, что у них был «сигнал», и поплелся восвояси. Тут же нарисовался Лавриньков, снова с ведром и шваброй.

– ???!

– Я мешки за палатку вытолкал. Там, между сеткой и палаткой, место есть. Брезент подрезал, водой полил – и они поехали. Затолкать назад? А что там?

Ночью, после отбоя, я вызвал Лавринькова и налил ему стакан водки. Он не спеша выпил, взял кусочек соленого помидора. Сказал:

– А мы знали, что там было. Одилджон все это придумал и меня послал.

Одилджон

Раскосый, симпатичный узбек с автоматом на груди – это Одилджон. Убывая, Коля Бурбыга посоветовал мне назначить Одила старшим среди солдат. Без этого нельзя. Одилджон был умен, порядочен и физически крепок. Не курил, но мог, и только с земляками под плов, выпить граммов сто водки. Меня, наверное, как нерусского по фамилии и ненавидящего армейский расизм, он признал сразу. Но самое ценное – Одил быстро освоил все типографские премудрости и строго следил за порядком.

Он был чистюля, как большинство узбеков. Среди них, если намеренно не зачмуривать человека, немного нерях. Если бы азиаты были грязны и неряшливы, то давно бы вымерли в своем благодатном климате, где микроб на микробе сидит.

У меня было какое-то смутное ощущение, что все эти азиатские юноши кожей чувствуют происходящее в Афгане и разбираются в ситуации получше офицеров. На генетическом уровне «чувствуют». Нет, я не о тяготах военной службы, это было на всех. Вот еще одно построение, не выдерживающее критики: по моему разумению, узбеку лучше всего было доверять материальную часть – машину, каптерку, запасы, вести хозяйство. Таджики нужно брать, как барометр в плавание, на боевые, он чувствует, где опасность. Дагестанцы, да и все кавказцы – это «спецназ». А русские на все годились. Но чертов климат!

И еще есть особый «ум молодости» – о нем не говорят почему-то, но он есть, и он позволяет выжить, дойти до зрелых лет. Ладно, это не «Куддус-наме» – любимая моя книга советов и наставлений.

Одилджон, видя, что утро я начинаю с перекладины, предложил:

– Давайте спортзал построим.

Тут гвоздя лишнего нет, а ему спортзал! Но он построил. Короче говоря, получился борцовский ковер из сшитых плотно матрасов, обтянутых брезентом, с брезентовым же навесом. И тут выяснилось (ах, хитрый узбек!), что Одил до армии боролся на свадьбах, чем изрядно пополнял свой студенческий бюджет. И, конечно, он на открытие спортзала предложил мне помериться силами.

– В Дагестане ведь все борются, да?

Да, «сынок», все! Вес у нас был схожий. Возраст роли не играл. Мне 31, ему 19.

Он оказался стремительным, увертливым, стиль атакующий. Мы так и не выяснили – чья взяла. Взяли за правило: по три схватки в день, если время позволяло. Честно говоря, меня спасала левая стойка и вариации нехитрого, но отработанного приема – «мельница». Но он быстро изобрел противоядие. Помню, уходя от его очередного прохода в ноги, я обжег о брезент большой палец. Хорошо так содрал кожу.

Одилджон любил посылать домой фотографии с оружием в руках. При этом застегивался на все пуговицы, обязательно надевал фуражку и смотрел, чтобы на втором плане не было видно палатки или маскировочной сети. В чем дело? Все просто. Он, как и большинство узбеков-срочников, не хотел волновать своих родителей Афганом, писал в письмах, что служит в Германии. (А вот видывал я одного русского дурака, офицера, который жене переслал окровавленную рубашку: мол, гляди, сучка, как страдаю.)

Да, всякий раз одолев меня, Одил извинялся. Я этого не делал.

О моих солдатах той, «палаточной», поры – апреля—января 1981 года – я не могу сказать ни одного плохого слова. Они были трудолюбивы, уважительны, выносливы. Мы им платили заботой и уважением, с ними «по дембелю» было жаль расставаться. Отчего же в следующем году, в феврале 1982-го, когда я надрывал пупок, чтобы солдатам, тем, которых уже сам набирал в типографию, жилось хорошо, по-человечески, мне все чаще на ум приходила поговорка: «Куда солдата не целуй, у него везде жопа». Эту циничную, но меткую истину я услышал впер-

вые от прапорщика Мишки Зёбера на польской границе. Это было в другой жизни, до Афгана. Но было правдой. Конечно, к Мишке за его фокусы стоило поворачиваться не только жопой, а местом более суровым. Но об этом времени в другой раз.

На пленке, подаренной летчиками, я обнаруживал раз за разом кадры, о которых не сразу вспоминалось. Они были в начале пленки. Ах вот оно что. Я просто подтягивал моток, отщелкивая три-четыре кадра «в воздух»... Вот огромный железный сарай – столовая, вот Махно выходит из какого-то подвала с набитым рюкзаком – продпак получил, вот укрытая кусками жести яма, из которой торчит труба, – это дизельная штаба и управления. Быт. Мать его, не забыт.

Совет организаторам будущих походов в теплые края: входя в чужую страну, захватывайте все самое лучшее. Живите в дворцах и виллах, купайтесь в чистой воде, ешьте то, что едят богатые люди этой страны, берите их женщин. Вы, завоеватели, этого заслуживаете. В противном случае вас не поймут, перестанут уважать, будут использовать как дешевую девку и, в конце концов, выкинут, для того чтобы освободить место другому победителю. Народ любит героев!

– Вы завещательное распоряжение оформляли? – строго спросила меня накрашенная ведьма в строевой части.

– А что это такое?

В ответ через барьер мне сунули серый бумажный листок, в котором я узнал продукцию родной типографии. В листе значилась, кроме обязательных ФИО и в/з (воинское звание), личного номера и пр., графа, в которую я должен был занести собственной рукой, кому завещая имущество в случае гибели, смерти. О, силы небесные! В Великую Отечественную так же было?

Но я заполнил. На жену и на мать. Они были далеко. Они знали, где я. Все остальное – неважно. Жена была по роду казачка, мать тоже – кубанская. Там было все в порядке с пониманием. Мать молилась, жена – ждала и смотрела за сыном. Какое завещание? Но я заполнил. Иначе денег – чеков – не дали бы.

«Акции» великого облома

Я помню, снимал для истории чеки – эти «афганские советские бабки». Дойду еще до этого кадра. А в целом с финдовольствием история такая.

Офицер в Афгане получал двойной оклад по должности (не примешивать сюда выплату по званию!), из этого двойного оклада для младших офицеров в 1981 году вычиталось, помнится, сорок пять рублей. Они обменивались на специальные чеки ВПТ (Внешпосылторга) в соотношении за один советский рубль – четыре чека. Итого что-то около ста восьмидесяти чеков. Старшие офицеры получали 220 чеков. Махно как-то вздохнул: вот бы получать, как старшие! Сорок бы тратил на мелочи, а остальное копил. Он не курил, был молод, красив, и жена ждала ребенка. Но в долг никогда не отказывал, не был жадным. Бережливым – да.

Советские деньги переводились на вкладную книжечку, даже проценты шли какие-то. А чеки ВПТ выдавались ежемесячно, но по счету дней, проведенных в Афгане. Всем одинаково. Будь ты хоть трижды героем. Точкой отсчета служил день пересечения границы, отмеченный в служебном заграничном паспорте. Если офицера или прапорщика направляли в Союз в командировку, по ранению или болезни, то все денежные льготы отменялись. Ну зачем больному деньги, скажите?

Солдатам тоже давали чеки. По семь рублей, кажется. А на ком еще экономить в нормальной армии?

У чековой системы были бумажки от одной копейки до 100 рублей. Вот не помню, были ли в то время бумажки покрупнее? Чеками расплачивались в «чекушках» и с «чекистками». Ну, «чекистки», об этом здесь коротко, так называли женщин, которые отдавались за плату осатаневшим от воздержания офицерам и солдатам пошустрее. Благослови господь этих женщин. Каждая из них достойна славы св. Магдалины. Они брали эти деньги, чтобы поддержать детей и родителей в Союзе или скопить на жилье. О них я еще буду писать. Но здесь скажу: низкий поклон им. А насчет прозвища... Так в армии остряков хватает. Вот анекдот по случаю. Офицер возвращается из Афгана, обнимает жену. Та спрашивает: «А чеки где?» – «В мешках», – говорит воин-интернационалист. «А мешки где?» – «А под глазами...»

Теперь о «чекушках». В крупных гарнизонах, но не ниже полковых, были магазины Военторга, в мелкие наезжали изредка автолавки.

Набор такого магазина был примечателен. Смесь бакалеи и ширпотреба из соцлагеря (я описываю магазины в 1981 году) и отечественные товары первой необходимости. И все это за чеки. И понемногу в одни руки, особенно прохладительные напитки, чтобы афганцам не перепродавали. Афганские дуканы (лавки, они достойны отдельного описания) были набиты нашими товарами из «чекушек» и продовольственных складов.

Что запомнилось из ассортимента.

Неплохие спортивные костюмы. Их обожали «полевые жены» начальства.

Едкий кислый сок «Донна» – с водкой о'кей.

Густой апельсиновый сок – со спиртом хорош.

«Сиси», точнее, «зизи» («Sisi»), – искусственный газированный напиток в банках. Солдаты в нем что-то растворяли на солнце и ловили от этой смеси жесткий кайф. Говорили, что полиэтилен, порезанный на мелкие кусочки. Но это бред. «Сиси» стоил копеек сорок за банку. Кстати, первую в своей жизни алюминиевую банку я увидел в Афгане. И первое кольцо с нее сдернул именно там. Вроде как ощутил причастность к загранице.

Конфеты-леденцы «Бон-бон» – все югославские.

Минералка – советская. Сгущенное молоко – без мыльного привкуса, комков и песчинок сахара, не то что на паяк выдавали.

Сухая колбаса (квазисалями).

Ну и все такое: ручки, тетради, конверты. Все по советским ценам.

Но чек-то, он был, как Фантомас. Если растратил чеки государственные, плати за один – четыре рубля. Когда получаешь, то за один рубль дают четыре чека. А в Союзе за чек давали до четырех рублей. Только не в Ташкенте. Там быстро научились интернационалистов облапошивать. Для чего чек в Союзе – понятно. Он давал доступ в магазины ВПТ – младшие братья «Березки», системы валютных магазинов. Кроме того, 25% от стоимости «Волги», уплаченные в чеках, позволяли купить машину без очереди по госцене в тех же валютных магазинах или по специальному списку. Мистика, одним словом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.